

Е. МАУРИН
ШАХ КОРОЛЕВЕ
•
ПАСТУШКА
КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА

Евгений Маурин

**Шах королеве. Пастушка
королевского двора**

«РИПОЛ Классик»

2008

Маурин Е. И.

Шах королеве. Пастушка королевского двора / Е. И. Маурин —
«РИПОЛ Классик», 2008

Евгений Маурин – признанный мастер историко-авантюрной прозы, чьи романы отличают виртуозно прописанный, динамичный захватывающий сюжет и потрясающее умение передавать дух той или иной исторической эпохи. «Шах королеве» и «Пастушка королевского двора» – наиболее известные романы писателя, действие в которых разворачивается во второй половине XVII века при дворе знаменитого «короля-Солнца» Людовика XIV. Изощренные придворные интриги и интимные похождения венценосных особ, роковые красавицы и любовные страсти, распутство и коварство, ревность и предательство – все это вы найдете на страницах потрясающе увлекательных сочинений Маурина, любимых не одним поколением истинных ценителей первоклассной исторической прозы.

Содержание

Предисловие	5
Шах королеве	10
Часть первая	10
I	10
II	16
III	25
IV	26
V	32
VI	38
VII	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Евгений Маурин

Шах королеве. Пастушка королевского двора

Предисловие

По личному опыту знаю, насколько читатели не любят разных предисловий, примечаний, пояснений, словом – всего того, что делает чтение громоздким и отвлекает внимание от развития действия в повествовании. Однако, если автор исторического романа, рассчитывающий на самые широкие круги читателей, иной раз и рад бы обойтись без этих отступлений, то его постигает «охота смертная, да участь горькая»! Так, например, в данном случае название второго романа «Пастушка королевского двора», неразрывно связанного общностью времени, места и действия с предлагаемым, без необходимых объяснений осталось бы совершенно непонятным. Мало обещающее начало, если недоумение начнется уже с заглавия!

«Но ведь заглавие можно изменить!» – скажут мне. Да, можно, но от этого мало что изменится по существу. Ведь данное название романа указывает на взаимоотношение личности героини, Луизы де Лавальер, к переживаемой ею эпохе. Значит, все равно этого взаимоотношения надо коснуться, так как именно в нем – центр тяжести исторической идеи предлагаемых романов. Так или иначе, путем ли отступлений в тексте, массы подстрочных примечаний или отдельного вступления, но характеристики эпохи не избежать. Из нескольких зол выбирая меньшее, решаюсь просить читателя пробежать настоящее предисловие, как совершенно необходимое введение в круг идей и событий данной эпохи.

* * *

В середине семнадцатого века во Франции уже достигла пышного расцвета та общая приторная жеманность, которая нашла свое высшее выражение в следующем веке, веке Людовика Пятнадцатого, вызвав в скором времени, как естественную реакцию, общую революцию – революцию политического режима, нравов, костюма и искусства.

Эта жеманность царилась во всем. В архитектуре она выражалась стилем барокко с его причудливостью и извращенностью форм, в живописи и литературе – ложноклассицизмом, в costume (особенно мужском) – излишней пышностью и вульгарной манерностью, в области житейской и религиозной морали – полным разладом между словом и делом. И над всем этим объединяющей формулой повисла главная заповедь эпохи – условность!

Да, все было условно во Франции того времени! Добродетель, честь, право – все это были лишь понятия, зависевшие на практике от того, как их понимать и в каких случаях они прилагаются. Моральные принципы были похожи на те мушки, которые ради пикантности наклеивались дамами на лицо: они применялись со строгим расчетом и легко удалялись в случае необходимости.

Наиболее полно вся эта условность отразилась в том художественном течении, которое ныне окрещено названием «ложноклассицизм».

Эпоха Возрождения (XV–XVI века) вызвала прилив интереса к творениям античных, классических писателей. Но вскоре этот интерес вылился в рабское подражание классикам и в отождествление античной и современной эпох. Древности в художественных произведениях стали навязывать современные формы, современности – чуждые обстоятельствам и истинным, затаенным понятиям дух античной древности. На картинах и в трагедии Юлий Цезарь или

Александр Македонский щеголяли в костюмах мушкетера или придворного маркиза, а маркиз приказывал изображать себя на портрете в виде античного божества, окруженного амурами да зефирами. В поэзии среди самой реальной обстановки то и дело (и в значительной степени «ни к селу, ни к городу») фигурировали герои античной мифологии, и в одах того времени мы постоянно наталкиваемся на тритонов или даже самого Нептуна, всплывающих на Сене против Лувра, чтобы воздать хвалу добродетелям или подвигам Людовика. Как могли попасть в христианский Париж на холодную Сену божки древности, этим вопросом господа авторы не задавались. В древней оде мифологические существа фигурировали непременно, а все, что делали древние, то достойно строгого подражания. Верх комизма получил этот принцип слепого подражания в буколической или пасторальной (пастушеской) поэзии.

Когда-то греческие поэты (Теокрит) призывали горожан оглянуться на прелести сельской жизни и тихой радости пастушеского быта. Так родилась пастораль – особый поэтический жанр, сентиментальный, немного слащавый, не вполне точно отражавший жизненную правду положения вещей, но бесконечно грациозный, трогающий сердце и облагораживающий.

Однако, если пастораль древних «не вполне точно» отражала положение вещей, зато она и не становилась в полный разрез с этим положением, не искажала действительности до полной неузнаваемости. Жизнь греческих пастухов не текла в одних только эмпиреях, но тихих радостей в ней все-таки было немало. Не надо забывать, что греческий пастух был *полноправным гражданином*, что он почти не знал ни сословного, ни экономического рабства и что привольная жизнь среди цветущей и богатой дарами природы безусловно имела свои преимущества перед жизнью в городских центрах, где порой становилось слишком душно от политических страстей и раздоров. Да и нравы сельских обитателей, разумеется, чище нравов горожан.

Но совсем другая картина получается, когда пред нами встает пастораль французская. Французский крестьянин того времени был полным рабом, грубым, невежественным, нищим, жестоким дикарем. Хорошо жилось только челяди («дворовым», по русской крепостной терминологии), но эта «хорошесть» выражалась лишь в материальных благах: идиллических черточек в этой жизни не сыскать. Сам по себе сельский быт тоже не мог никого привлекать, потому что нельзя же было считать идиллической жизнью проживание в роскошных замках среди чисто городской роскоши и обычных развлечений горожан. Впрочем, даже и этих «роскошных замков», как мест постоянной резиденции знати, в XVII веке становилось все меньше. Мелкое дворянство разорялось и по большей части вело суровую, грубую жизнь крестьянина-хлебороба. А крупное дворянство устремлялось к королевскому двору, где одно вовремя сказанное слово могло принести больше, чем способны были заработать сто крепостных-землепашцев в целый год. К каким же «прелестям» сельской, пастушеской, жизни могли призывать поэты в своих буколиках и пасторалях? Где были они, эти «прелести»?

Но я уже сказал, что поэты того времени такими вопросами не задавались. Действительность, правда не интересовали их, и, всей душой тяготея к придворной жизни, они пели о недостатках этой жизни, воспевая другую жизнь, которой они не знали, которой даже не существовало вообще.

Вполне понятно, что при таких обстоятельствах французская пастораль воспевала просто маскарад. Изящные маркизы, не теряя ничего в своей прелести и изяществе, беззаботно пасли стада среди вечно зеленых лугов и вечно юных лесов. Впрочем, и эти стада были совершенно особые, стилизованные, облагороженные. Само слово «буколический» происходило от греческого глагола, означающего «пасти быков». Но таких неблаговоспитанных животных, как быки, не было в поэтических стадах у французских буколических: изящные маркизы пасли разукрашенных ленточками и цветами овец да баранов с вызолоченными рогами!

Надеюсь, что читатели уже поняли теперь, что я хотел сказать, называя героиню предлагаемых романов, Луизу де Лавальер, «пастушкой королевского двора». По существу Лавальер

была именно вот такой маскарадной «пастушкой», мыслимой лишь в манерных поэтических измышлениях.

Я отнюдь не хочу заклеить этим намять грациознейшей и бескорыстнейшей из всех фавориток французских королей обвинением в сознательном лицемерии и комедиантстве. Но ведь творцы пасторалей так же искренне воспевали прелести несуществующей сельской идиллии, как искренне проливали над чтением этих пасторалей сочувственные слезы нарядные маркизы, неспособные жить вне душевной атмосферы двора. Так и Лавальер, духовно облакаясь в маскарадный костюм, искренне считала себя настоящей пастушкой. Если бы Луизу не влекло к заманчивой жизни королевского двора, она всегда нашла бы возможность уговорить свою мать, по второму мужу – маркизу Сэн-При, оставить ее в тихом и живописном замке Лавальер, где не было только роскоши, но было все, способное с лихвой удовлетворить насущнейшие потребности для идиллической жизни. Однако уже с этого момента в жизни Луизы обнаруживается разлад между самой верой и открыто высказываемым символом ее. Говоря о своей приверженности к идиллической сельской жизни, девушка не без внутреннего удовольствия устремилась ко двору. Мечтая вслух о платонической любви, превознося чистоту и верность единому, она оставалась внутренне крайне чувственной, была очень влюбчивой, вздрагивала от малейшего прикосновения мужской руки. Короля Людовика Четырнадцатого она полюбила искренне, глубоко, но, как видно из всего, полюбила в нем гораздо более сан, чем мужчину, что не мешало ей, однако, высказывать вслух сетования, почему «ее Луи» – не простой пастушок, с которым она могла бы наслаждаться действительным тихим, идиллическим счастьем!

Не будь Луиза де Лавальер при этом совершенно искренней, не верь она сама, что высказываемые ею взгляды действительно проистекают из ее нравственной природы, не «заблуждайся она сама, до какой степени на самом деле тело довлеет в ней над духом», она была бы самой обыкновенной, самой дюжинной женщиной, слишком заурядной, чтобы стать центральной личностью целого романа. Но для нас она интересна именно как живое воплощение, так сказать, «ложноклассицизма в области морали». В ней духовно воплотилась одна из тех маркиз-пастушек, которые фигурировали исключительно в поэтических измышлениях творцов французской пасторали.

* * *

Теперь надо сказать еще несколько слов о другом герое предлагаемых романов – короле Людовике Четырнадцатом.

Людовику было пять лет, когда (1643 г.) умер его отец, Людовик Тринадцатый. Номинально королевством стала править его мать, Анна Австрийская, но фактически власть сосредоточилась в руках первого министра, кардинала Мазарини, с которым королеву связывала личная интимность. Мазарини, итальянец родом, был искусный дипломат и правитель, не лишенный государственных талантов, которые, однако, в значительной степени парализовались его корыстолюбием, мелочной мстительностью и развращенностью. Поэтому не мудрено, если уже с первых моментов регентства начались серьезные беспорядки. Возбужденные толпы парижан то и дело осаждали дворец, требуя, чтобы им показали маленького короля в доказательство того, что Мазарини с Анной еще не извели его. И вот несчастного мальчика то и дело будили ночью, чтобы вынести на балкон для показа полупьяной толпе.

Однако не одна только уличная чернь восставала против регентши и ее друга. Финансовая политика Мазарини вызвала острое раздражение и протест со стороны высшей знати и парламента, в результате чего явилась так называемая «фронда».

«Фронда» («fronde») по-французски значит праща. В то время мальчишки очень увлекались во рвах парижских укреплений метанием камней из пращи. Полиция запрещала эту забаву как слишком опасную для прохожих, но отчаянные ребята постоянно давали полиции

отпор, и нередко бывало, что стражники в конце концов обращались в бегство, преследуемые меткой стрельбой из пращи, этого библейского оружия. В одной из «мазаринад», как назывались сатирические стишки, в изобилии появлявшиеся против министра-кардинала, какой-то остряк сравнил противников Мазарини с этими фрондерами («пращниками»). Сравнение показалось удачным, было тут же подхвачено, и вскоре все движение было окрещено именем «фронды». Только в 1653 г. фронда была окончательно, хотя и не без труда, подавлена.

Цепко удерживая власть в своих руках, Мазарини вместе с Анной делал все, чтобы отстранить подраставшего Людовика от фактического вмешательства в дела правления. Для этого существовал старый, испытанный способ, применявшийся с успехом во все времена и во всех странах. Мазарини поощрял дурные инстинкты юноши-короля, причем для удовлетворения их у кардинала, обычно крайне скупого, всегда находились деньги. Юный Людовик Четырнадцатый, подобно многим другим своим тезкам, отлично учел это обстоятельство, и каждый раз, когда первый министр пытался ограничить его траты, делал вид, будто собирается лично взяться за бразды правления. Тогда требуемые деньги немедленно находились!

Мало того, желая заранее связать юношу-короля так, чтобы он никогда не выходил из его воли, Мазарини стал настойчиво сводить его со своей племянницей, красавицей Олимпией Манчини, девушкой хитрой, властной, необузданно страстной и гордой. Сначала дело пошло как будто на лад, но разгадал ли Людовик честолюбивое притворство Олимпии или и с его стороны тут была одна только игра, а из проектов Мазарини и Олимпии ничего не вышло. В один прекрасный момент Людовик резко порвал так благополучно налаживавшиеся отношения с Олимпией. Девушка вышла замуж за графа Суассона, но, глубоко мстительная по природе, никогда не могла простить королю свое поражение.

Из внешних событий этого времени укажем на одно, имевшее отклик и связь с событиями, описываемыми в предлагаемых романах. Это событие – история низвержения и реставрации Стюартов в Англии.

Царственный дом Стюартов был издавна кровно связан с королевским домом Франции. Мария Стюарт была по материнской линии близкой родственницей французских герцогов Гизов, и это родство еще усилилось ее браком с французским королем Франциском Вторым. Затем его родство еще раз подкрепилось женитьбой принца Уэльского Карла, сына Якова Первого Стюарта и внука Марии, впоследствии Карла Первого, на дочери Генриха Четвертого Французского – Генриетте.

Карл Первый, поддавшись дурному влиянию и советам своей жены и друзей, вступил в открытую борьбу с парламентом и народом. Эта борьба закончилась казнью короля Карла в 1649 году.

Еще в 1646 г, после взятия парламентскими войсками города Иорка, дети Карла, среди которых были Карл (впоследствии Карл Второй) и Генриетта (Английская; ей было тогда всего два года), были заключены Кромвелем под стражу. Однако им удалось бежать во Францию. Впоследствии Генриетта Анна Английская, отличавшаяся большой способностью к политической интриге, не раз делала попытки склонить французское правительство к помощи Карлу Второму в деле возвращения английской короны, однако политическое положение момента мешало Франции вмешаться в английские дела. Даже больше – Мазарини держал Генриетту Марию и Генриетту Анну на положении каких-то ссыльных, опасаясь открытым сочувствием к вдове и дочери казненного английского короля вызвать недоразумения с английским правительством. Честолюбивой и пылкой Генриетте Английской пришлось пережить очень тяжелое и суровое детство, которое заставило ее рано созреть умственно. Вот этим-то и объясняются попытки незрелой девочки активно вмешиваться в политику.

Между прочим, в этих попытках Генриетта возлагала большие надежды на короля Людовика, с которым она нередко виделась тайным образом. При этом она рассчитывала не только склонить короля к открытому вмешательству в дела своего брата Карла, но и вызвать в сердце

Людовика такую же страстную любовь, какую питала она к нему сама. Но как король Людовик в то время не пользовался ни малейшей властью и влиянием, а как мужчина – оставался равнодушным к угловатой, бледной, худой и вдобавок немного косоватой девчонке.

В 1659 г. Мазарини заключил с Испанией так называемый «Пиринейский мир», причем в основу мирного договора был положен брак Людовика с испанской инфантой Марией Терезией. Этот брак состоялся в следующем году, в котором произошло также восстановление в правах Стюартов: английский генерал Монк призвал на английский трон Карла Второго.

Теперь положение Генриетты Английской стало совсем иным. Из «бедной родственницы» она превратилась в сестру дружественного Франции и связанного родственными узами короля могущественного государства. Это родство и дружбу надо было закрепить. И вот Генриетту выдали замуж за брата Людовика – герцога Филиппа Орлеанского.

С самого начала этот брак не был счастливым. Генриетта не терпела мужа, муж ее страстно любил и ревновал – не без основания – к своему старшему царственному брату. Действительно, теперь Людовик сразу переменял свое прежнее мнение относительно физических достоинств Генриетты. К семнадцати годам молодая женщина значительно выровнялась, пополнела, порозовела и похорошела. Из угловатой девчонки вышла грациозная, привлекательная дама. Теперь Генриетте было уже не трудно осуществить то, о чем она мечтала еще в детстве. Однако ее связь с Людовиком не затянулась надолго.

В том же (1661) году, когда состоялся брак Генриетты и Филиппа, умер кардинал Мазарини. Тогда Людовик заявил, что он будет «сам своим первым министром». Действительно, вплоть до самой своей смерти Людовик принимал непосредственное, активное и решающее участие во всех делах правления.

Вот тут-то, в момент активного вступления во власть, Людовик и познал неудобство романа с дамой, слишком страстно преданной политической интриге. Генриетта непременно хотела заставить Людовика следовать ее предначертаниям, а Людовик во что бы то ни стало хотел обходиться без опеки и менторства. Не надо забывать к тому же, что Людовик в сущности никогда не любил Генриетты. Он до известной степени поддавался обычному мужскому тщеславию, которое чувствует себя польщенным при виде вызванной страстной любви. Людовик был в том счастливом возрасте, когда самое легкое волнение чувственности может породить нечто вроде страсти. Конечно, такое чувство не могло оставаться длительным, особенно потому, что Генриетта слишком мучила возлюбленного своей ревливой пылкостью и страстью. А тут еще запоздалое чувство раскаяния по отношению к брату. Следовательно, немудрено, если первой женщине, сумевшей приглянуться Людовику в этот период его жизни, суждено было легко и без борьбы вытеснить из сердца короля образ Генриетты Английской. Этой женщиной и оказалась Луиза Франсуаза де ла Бом ле Блан, герцогиня де Лавальер, героиня предлагаемых романов, к которым теперь и прошу обратиться читателя.

Шах королеве

Часть первая

I

Заходящее солнце еще золотило вершины старых деревьев, но внизу, на дорожках векового парка, уже расправлял свои бархатные крылья ясный, теплый весенний вечер. И в этой прозрачной влажной полутьме все – и звуки, и формы – смягчалось, представляясь окутанным грезовой поэтической дымкой. Таинственно темнели недра аллеи, словно уходя в безвестную бесконечность, мохнатые дуплистые стволы деревьев казались добродушными чудищами, замороженными на день и теперь оживающими, а раздражающий шум бойкой городской жизни, врезываясь в насыщенную запахом травы и влажной листвы атмосферу парка, смягчался и казался ласковым шумом прибоя далекого моря.

Невдалеке от массивной кованой решетки парка, где было еще почти совсем светло, на широкой скамье расположилась живописная группа молодых нарядных девушек, состоявших при ее высочестве герцогине Орлеанской Генриетте.

Эти девушки со слегка насмешливым любопытством окружили «новенькую» – умеренно высокую, стройную, гибкую провинциалочку с чудными космами золотисто-белокурых волос и громадными голубыми глазами, с наивным любопытством глядевшими на новый для нее мир.

Луиза де Лавальер, как звали «новенькую», всего только две недели, как прибыла ко двору герцогини из родной Турени.

Нерадостно встретил Париж юную провинциалку. Сама герцогиня почему-то сразу не полюбила застенчивую Луизу и без обиняков дала ей понять, что не отсылает ее домой лишь ради услуг, оказанных отчимом Луизы, маркизом де Сэн-При, Орлеанскому дому. Холодность герцогини повлияла и на отношение к новенькой ее подруг. Никто не делал попыток помочь неопытной провинциалке освоиться с чуждой для нее жизнью, и только веселая, добрая д'Артиньи приняла некоторое участие в Луизе. Однако и эта добрая душа вскоре сообщила товарищам, что новенькая – или лицемерка, или бесконечная дурочка, не понимающая самых простых вещей. В скором времени все фрейлины Генриетты Английской со смехом передавали друг другу рассказы о новой смешной выходке или нелепой мысли, высказанной «неотесанной пастушкой из Турени». И вот теперь, воспользовавшись случайно выпавшим на их долю вечером полной свободы, жадные до проказ и насмешек девицы окружили Луизу де Лавальер, с насмешливым любопытством прислушиваясь к тому, что в ответ на их беглые вопросы рассказывала «пастушка из Турени» своим на удивление звучным, мелодичным голосом.

Когда Лавальер снова ударилась в сентиментальное описание идиллических красот родного замка, ее перебила полная, рослая красавица де Пон, первая скрипка в оркестре насмешниц двора герцогини Орлеанской:

– Итак, ты говоришь, что соседей у вас там было немного? Значит, тебе было довольно скучно там, у себя?

– О! Скучно в Лавальере? – почти с негодованием воскликнула молоденькая провинциалка. – Видно, что все вы ни разу не бывали на моей милой родине! Конечно, в зимние месяцы приходилось по большей части сидеть в комнатах, но ведь зима недолга у нас, в Турени! А весной, летом и осенью разве может явиться мысль о скуке?

– Значит, вы давали приемы и вечера исключительно в теплое время года? – спросила де Шимероль.

– Вечера? Приемы? – с очаровательной улыбкой повторила Луиза. – О, нет, этого у нас не бывало! Конечно, раза два в год у нас собирались ближайшие друзья и родственники, но назвать эти съезды приемами... Нет, милая Тереза, для приемов мы были слишком бедны! Я ведь – не одна, у меня еще есть взрослая сестра и брат-офицер.

Девушки насмешливо переглянулись при этом признании, а д'Артиньи с дружеской досадливостью передернула плечами: ведь бедность уже сама по себе была несчастьем, граничащим с пороком, а открыто и без нужды признаваться в нищете – нет, это было или самым непростительным цинизмом, или непроходимой глупостью! Ведь и все эти юные насмешницы тоже не могли похвастать достатком, на придворную службу их тоже толкнуло желание найти в Париже ту подходящую рамку для своей юности и красоты, которую не могли им доставить в провинции обедневшие родители. Но все они предпочли бы любой позор, чем открыто признаться в этом! Наоборот, в часы досуга они наперебой хвастали друг перед другом роскошью, весельем и разнообразием жизни в родных замках, заменяя горделивым вымыслом убогую действительность!

Тем временем Луиза, на мгновение унесшаяся в мечтах к своим близким, продолжала:

– А сверх того разве истинное удовольствие и истинная радость в таких нарядных роскошных празднествах, которыми так богата здешняя жизнь? Полно вам! Посмотрите, как после сбора винограда танцуют наши крестьяне кипучую гальярду, каким искренним весельем сверкают их глаза, как развеваются в веселом круженье волосы женщин и как задорно прищелкивают о землю деревянные подошвы их сабо!¹ О, посмотрите только на гальярду, и вам сразу станет бесконечно скучно при одном только взгляде на чинный и мертвый менюэт, которым теперь так увлекаетесь вы все! Но разве в одних танцах там дело? Ах, как хорошо бывало выбежать под вечер за ворота замка и углубиться в далекое поле, навстречу возвращающимся стадам! Еще издали слышишь заунывно-ласковый напев пастушеской свирели и бодрое пощелкивание бича. Вот все ближе и ближе придвигается облако клубящейся пыли, из которой малопомалу вырисовывается сначала мелкий скот, затем более крупный, рогатый. Где найдешь, где увидишь все это в вашем душном, чинном, замороженном Париже?

– Ну, милая моя, – заметила де Пон, – чего-чего, а уж рогатого скота в Париже, особенно при дворе, сколько угодно!

Луиза с наивным удивлением посмотрела на подруг, ответившим взрывом дружного смеха на это замечание, и, к их величайшему удовольствию, отозвалась:

– Неужели? Как жаль, что мне вовсе не пришлось видеть это!

– Ну, да! Ведь самый матерый представитель этого вида почти все время находится в отъезде! – кинула сквозь зубы смуглая брюнетка де Воклюз, у которой были свои счеты с тем, кого она имела в виду под этим непочтительным эпитетом.

– Впрочем, – продолжала Лавальер, – по правде сказать, я не очень-то долюбливала коров и быков. Зато барашки и овцы были моей слабостью! Я иногда даже сама пасла их! Ах, как хорошо было надеть широкополую соломенную шляпу, вооружиться крючковатым посохом и усесться с томиком Ронсара² на зеленом холмике среди кротких и послушных барашков! Вот этого удовольствия вы не знаете, этих тихих радостей я совершенно лишена здесь!

– О, да! – сантиментально закатывая глаза, сказала Мари де Руазель, чистокровная парижанка, никогда даже издали не видавшая настоящей деревни. – В сельской жизни столько красоты и поэзии!

– Напрасно ты заранее отчаиваешься, дочь моя! – покровительственно произнесла де Пон. – Ты достаточно миловидна, не лишена некоторой грации, обладаешь вкрадчивым голо-

---

¹ Деревянные башмаки, или грубые кожаные на деревянной подошве. (Здесь и далее сноски печатаются в авторской редакции. – *Изд.*)

² Пьер де Ронсар (1524–1583) – глава школы французского ложноклассицизма и отец французской пасторали.

сом и томным взглядом. И стоит тебе только поумнеть да отбросить излишний провинциализм, как при нашем дворе недостатка в покладистых барашках не будет! Все они с восторгом лягут у твоих ног, и тебе нетрудно будет управлять ими не только без посоха, а просто одним движением своих длинных ресниц!

– Да, но для этого надо поумнеть, – отозвалась Воклюз, презрительно прищуривая недобрые глаза в сторону Луизы, – а для этого мало одного доброго желания!

Луиза хотела что-то сказать, но в этот момент внимание всех привлек шум копыт быстро скачущей лошади. Девушки кинулись к самой решетке и увидели, как мимо них быстро промчался какой-то всадник. Они успели заметить только, что всадник был еще молод и одет в скромный дорожный костюм; он быстро-быстро промелькнул перед их глазами, и вскоре стук копыт его лошади сразу оборвался за углом.

– Это к нам! – воскликнула Шимероль. – Кто бы это мог быть?

– Ну, мало ли кто! – лениво отозвалась Руазель, возвращаясь на старое место. – К ее высочеству то и дело прибывали курьеры от брата, английского короля! И так, Луиза, – обратилась она снова к Лавальер, – ты сама пасла стада у себя на родине? Значит, ты пережила на самом деле все то что так красиво и заманчиво описывают поэты? Счастливая!

– Ну, «все» она едва ли пережила! – насмешливо отозвалась Воклюз и прибавила сквозь зубы: – Для этого наша «пастушка» – слишком глупенькая гусыня!

– Что ты подразумеваешь под этим «все», Мари? – звучным грудным голосом спросила Лавальер.

– Но... ведь... – несколько замялась Руазель. – Вспомни Жана де Мэрэ, Шаплэна, Лодэна.³ При пастушке в пасторали всегда состоит молодой, красивый пастушок, который оберегает ее, ухаживает за ней, ловит на лету все ее желания, говорит с ней о любви и возвышенных мыслях. Ну... и... вообще... пастушок ублажает пастушку всем, чем может.

– Нет, моя добрая Мари, тут уже я должна разочаровать тебя! – с чарующей улыбкой ответила Луиза. – Пастушка при мне никакого не состояло, о любви и возвышенных чувствах мне говорил лишь мой старый, испытанный друг – томик Ронсара. Что же касается охраны и разных услуг, которые обязан оказывать даме приятный кавалер, то их мне по мере сил и возможности оказывал Нарцисс, мой верный, преданный пес!

– И... с успехом? – с притворным любопытством осведомилась де Воклюз.

Луиза с искренним изумлением посмотрела на подруг, которые пришли в неистовое веселье от вопроса Воклюз и особенно от тона, которым он был сделан.

Но она не успела осведомиться о причине непонятного ей смеха, как сзади, из-за решетки, послышался звучный мужской голос.

– Приветствую вас, прекрасные девицы, и искренне сожалею, что должен прервать на мгновение ваше веселье смиреннейшей просьбой!

Девушки обернулись. У решетки, держа на поводу лошадь, стоял всадник, незадолго перед тем пронесшийся мимо них.

Теперь быстрые девичьи глазки сразу разглядели, что незнакомец был еще моложе и одет еще беднее, чем им показалось с первого мимолетного взгляда. Действительно, на большой, порыжелой от времени и непогод широкополой шляпе не было ни пышного пера, ни пряжки; кожаный камзол носил следы неоднократной чинки, а ноги были обуты в неуклюжие ботфорты деревенской работы. Эту бедность костюма незнакомца еще ярче оттеняла выглядывавшая из-за пояса рукоятка шпаги старинной чеканной работы с тремя небольшими лилиями, края которых были отненены мелкими бриллиантами.

Зато лицо юноши могло заставить забыть о костюме. Худощавое, с тонкими чертами, с тем особенным оливковым загаром, по которому сразу узнаешь гасконца, с веселыми, умными

---

³ Поэты школы Ронсара.

глазами, оно было полно энергии и силы. И волнистые иссиня-черные волосы, прихотливым руном ниспадавшие из-под шляпы, казались лучшей рамкой для нежного и мужественного лица незнакомца.

Некоторое время девушки молча разглядывали приезжего, затем де Пон, стараясь говорить как можно надменнее, обратилась к нему с вопросом:

– Чем можем мы служить вам? Изложите вашу просьбу!

– Да, это легко сказать – «изложите», – смеясь отозвался юноша. – Поручение, данное мне, не из тех, о которых кричат на улице! Но как быть? Я не вижу нигде поблизости ни калитки, ни ворот, а между тем время не терпит! Впрочем, это препятствие еще не так велико! – и, быстро привязав лошадь поводьями к колонке решетки, незнакомец одним движением перемахнул через ограду, перекинувшись в парк, словно акробат на трапеции.

Девушки невольно вскрикнули от испуга, а де Пон, объятая священным негодованием, возмущенно крикнула:

– Эй, вы! Что это за выходка? Да знаете ли вы, где вы находитесь?

– Знаю, знаю, моя красавица, – не смущаясь, ответил юноша. – Я нахожусь во дворце его высочества герцога Орлеанского перед благородными девицами, имеющими счастье служить ее высочеству герцогине и не уступающими в красоте, благородстве и изяществе древним грациям, с той только разницей, что граций было всего три, вас же, к чести и славе Франции, несравненно больше. Разрешите представиться вам, прекрасные девицы! Я – Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк, к вашим услугам! – и юноша, сняв шляпу, отвесил посмеивавшимся фрейлинам самый изысканный поклон, какой сделал бы честь любому придворному щеголю.

– Герцог д'Арк? – подхватила язвительная де Воклюз, выступая вперед и делая Бретвилью жеманный реверанс – Скажите, ваша светлость, не потомок ли вы высокочтимой Жанны д'Арк?

Ренэ строго, укоризненно посмотрел на девушку и сдержанно ответил:

– Извиняюсь, высокородная девица, если я, вопреки обязанностям кавалера, не подхватчу на лету вашей шутки, которую вы кинули мне с необдуманностью, весьма понятной для вашего возраста. Но я слишком чту высокую и прелестную память этой девственницы, – юноша выразительно подчеркнул последнее слово, – чтобы легкомысленно шутить со слишком дорогим сердцу всякого истинного француза именем! Сан герцога д'Арк получил мой дед от блаженной памяти короля Генриха Четвертого в 1589 году, на поле сражения при Арк-Батайле, и с тех пор старший из представителей рода маркизов де Тарб прибавляет к своему имени еще и этот почетный титул! Однако, – продолжал он, обращаясь к де Поль, в то время как смущенная Воклюз юркнула за спину подруги, – позвольте мне изложить вам, как первой приветствовавшей меня здесь, свою просьбу. Проездом через Рамбулье я встретил одно высокопоставленное лицо – назвать его имя я не уполномочен: оно дало мне важное и спешное поручение к ее высочеству герцогине. Это лицо предупредило меня, что поручение должно быть передано до заката солнца сегодняшнего дня и что всякое промедление в исполнении его может вызвать бесконечно неприятные последствия для некоторых высоких особ. Побеждая многие непредвиденные препятствия, я с радостью въезжал в Париж, сознавая, что срок, данный мне, еще не истек. Однако самое главное препятствие оказалось впереди: меня не пропустили к ее высочеству и отказались даже доложить обо мне. На мои настойчивые просьбы мне было отвечено, что никто не решится побеспокоить в этот момент ее высочество, и что доложить о ком бы то ни было рискнет разве кто-либо из состоящих при ее высочестве фрейлин. Поэтому я и явился сюда, чтобы успеть до захода солнца исполнить свое поручение с вашей любезной помощью!

– К сожалению, мы ничем не можем помочь вам, – с прежней холодной надменностью ответила де Пон. – Ее высочество играет в шахматы!

– В шахматы? – воскликнул Ренэ. – Клянусь Марсом и Кипридой, это весьма почтенная и разумная забава, но ведь в конце концов – только забава, которая не может помешать ее

высочеству принять курьера с важным поручением, так что вы, конечно, все-таки не откажетесь доложить обо мне!

– Ее высочество играет в шахматы! – ответила де Пон, небрежно пожимая плечами.

– Но повторяю вам, что поручение дано мне очень высокопоставленным лицом! – воскликнул юноша.

– Может быть, но ее высочество играет в шахматы! – было непоколебимым ответом.

– И это поручение крайне важно!

– Возможно, но ее высочество играет в шахматы!

– Неисполнение его грозит тягчайшими последствиями!

– Весьма вероятно, но ее высочество играет в шахматы!

Ренэ Бретвиль развел руками и замолчал, не зная, что сказать далее. Де Пон иронически смотрела на него.

– Ну, хорошо, – заговорил снова юноша, стараясь придать тону своего голоса как можно более вкрадчивой ласки, – может быть, вы будете добрее, если узнаете, что мне в награду за исполнение поручения обещано покровительство важного лица. Ведь я одинок на свете, у меня нет ничего, кроме юности, отваги, честного имени да вот этой шпаги. Пропустить такой случай, который может никогда не представиться, да еще пропустить только из-за случайного каприза прекрасной девицы – нет, согласитесь, что это было бы слишком обидной насмешкой судьбы!

– Соглашаюсь, но... ее высочество играет в шахматы! – невозмутимо ответила де Пон.

Вся кровь хлынула в голову юному герцогу, его глаза сверкнули, рука невольно ухватилась за эфес шпаги.

– Хорошо же! – крикнул он. – Раз вам не угодно принять во внимание доводы разума, я обойдусь без вас и – будь, что будет! – сам найду дорогу к ее высочеству!

Юноша сделал движение, намереваясь броситься к дому, но де Пон остановила его повелительным движением руки и сказала:

– Ни шага далее! Одно движение, и я крикну стражу! Начинать с Бастилии – плохая примета для всей дальнейшей карьеры, а в Бастилию вы попадете непременно, потому что... потому что ее высочество... играет в шахматы!

– Что же мне делать? – с взрывом неприятия отчаянья воскликнул Ренэ.

– Перелезть обратно через решетку и... ехать своей дорогой! – последовал бесстрастный ответ.

Но тут уже терявший всякую надежду Бретвиль вдруг получил неожиданное подкрепление из самого стана врагов.

Луиза да Лавальер с самого начала прониклась симпатией к смелому и ловкому гасконцу, и, по мере того как его попытки переубедить де Пон все безнадежнее разбивались о ее ироническое спокойствие, «туренскую пастушку» все более подмывало прийти к нему на помощь. Луиза только не решалась, робела, но теперь отчаяние, отразившееся на лице Ренэ, победило ее робость, и девушка воскликнула:

– В самом деле, Генриетта, я совершенно не понимаю, почему ты отказываешься доложить о молодом человеке? Правда, ее высочество приказала ни в каком случае не беспокоить ее, но ведь никто не может предвидеть разные случайности, и приказ ее высочества не может обнять все случаи без исключения!

– Ее высочество играет в шахматы! – снова повторила де Пон.

– Ах, милая Генриетта, – с досадой ответила Лавальер, начинавшая сердиться. – Всякая шутка хороша в меру! Я сама играю в шахматы, очень люблю эту игру, даже увлекаюсь ею, но никогда не находила, чтобы эта забава должна мешать серьезному!

– Слышите! – раздался голос де Воклюз, очевидно, уже оправившейся от урока, преподанного ей Бретвилем. – Наша пастушка тоже «увлекается шахматами»! А разве ты играешь, милочка, так же, как ее высочество?

– Да разве ее высочество играет как-нибудь особенно? – удивилась Луиза.

– Да, дорогая моя пастушка, совсем особенно! – со злобной язвительностью ответила Воклюз. – У ее высочества такая игра, что при всяком ходе получается шах королеве!

– Воклюз! – с негодующей укоризной окликнула ее де Пон, но этот окрик потонул во взрыве общего девичьего смеха.

Этот смех окончательно рассердил Луизу, ее бледное лицо даже покрылось пятнами раздражения.

– Я не знаю, что вы хотите сказать своими злыми намеками и смехом, – почти со слезами крикнула девушка, – но если вы все так злы, то я сама пойду и доложу ее высочеству!

– О, как вы добры и... как прекрасны! – воскликнул Ренэ, лицо которого снова просветлело.

Затем, повинувшись мгновенному движению чувства, экспансивный гасконец в один прыжок очутился около Луизы, быстрым, изящным движением преклонил колено и приник к руке своей заступницы страстно-почтительным поцелуем.

Камой-то горячий, сухой ток пробежал по руке Луизы от этого прикосновения, жгучей волной обжег ее сердце и отхлынул к голове, колющими искрами впиваясь в мозг. На мгновение в глазах девушки потемнело, нервная дрожь пронизала ее стройное тело. Но сейчас же, густо покраснев, Луиза отдернула руку и поспешно пустилась по дорожке к дому. Однако, сделав несколько шагов, она остановилась и, очаровательно розовея в смущении, сказала:

– Но я даже не спросила, как доложить о вас?

– О, будьте любезны сказать, что ее высочество хочет видеть «посланный из ле Мана»! – ответил юноша.

При последнем слове уде Пон, насмешливо смотревшей вслед Луизе, лицо внезапно вытянулось, и она с некоторым замешательством спросила:

– Из ле Мана, говорите вы? Но... ведь вы упомянули вначале про... Рамбулье? Почему же вы сразу не сказали, что прибыли из ле Мана?

– Не знаю, вероятно потому, что... «ее высочество играет в шахматы»! – ответил юноша, передразнивал надменно-ледяной тон де Пон. – Во всяком случае из обстоятельств дела не видно, чтобы этот город помог мне у вас больше, чем все мои остальные убеждения и доказательства. Как видите, ваша подруга и без этого исполнила мою просьбу! Да, она добрее вас!

– Не добрее, а глупее! – вмешалась д'Артинья. – Поверьте, для нас самих было бы слишком опасно не допустить к ее высочеству посланного к ней курьера. А раз мы все-таки делаем это, то, значит, получили определенный, не допускающий толкований, приказ! Поверьте также, что мы вовсе не злы, во всяком случае не злее Луизы де Лавальер. Но между нами та разница, что мы-то понимаем, что означает на самом деле данный приказ, а эта дурочка в своей провинциальной душевной простоте – нет.

Тем временем Луиза легким, почти неслышным шагом подходила к «желтой гостиной», где, как она знала, герцогиня собиралась играть с кем-то в шахматы. В тот момент, когда девушка остановилась у неплотно прикрытой двери, из глубины комнаты послышался звонкий, радостный голос герцогини, восклицавшей:

– Шах королеве! Шах королеве! Шах королеве!

Поддаваясь безотчетному любопытству, Луиза осторожно раздвинула складки тяжелой портьеры и заглянула в комнату. При свете последних лучей заходящего солнца, широким отлогим снопом врывающихся через открытое окно, она увидела, что герцогиня сидит на коленях у нарядно одетого красивого юноши и целует его, приговаривая с каждым поцелуем свое «шах королеве». Хотя Луиза видела этого юношу в первый раз, но она сразу узнала его по портретам, которыми уже не раз любовалась в герцогском дворце. Это был ни много ни мало, как его величество король Людовик Четырнадцатый!

У Луизы подогнулись колени и рука быстро опустила портьеру. Ни жива ни мертва, не сознавая, что она делает и подчиняясь лишь инстинкту, девушка осторожно, стараясь не стукнуть, притворила дверь и затем, затаивая дыхание, на цыпочках отошла в конец коридора, где скорее повалилась, чем села, на подоконник.

Все крутилось и голове несчастной «пастушки». Ее пронизывал ужас пред этими преступными ласками, которыми обменивался король с женой родного брата, вспоминались шуточки де Воклюз, упорство де Пон в нежелании доложить о «посланном из ле Мана».

Да, помешать теперь ее высочеству в игре, «где каждый ход сопровождается шахом королеве», было совершенно невозможно! Бедный юноша! Ему так и не придется воспользоваться счастливым случаем, выпавшим на его долю!

Но тут, вспомнив о Ренэ, Луиза вдруг скова почувствовала на своей руке его поцелуй, и снова горячая волна обожгла ее сердце. Нет, будь что будет, а она доведет до конца взятую на себя миссию! И, собрав всю свою решимость, Луиза встала, не скрадывая шума шагов, подошла к двери и с храбростью отчаяния троекратно постучала в нее.

II

Генриетта Английская, герцогиня Орлеанская, пытливо и с некоторой тоской всматривалась в шахматную доску. Она не могла понять, зачем Людовик поставил коня под удар ее слона, чувствовала здесь какую-то западню, которую не могла разгадать, и заранее раздражалась при мысли, что ее партнер по обыкновению заманит ее в ловушку, чтобы потом поддразнивать женской неспособностью к шахматам.

Нет, этого торжества она не хотела, не могла ему доставить! Ее партия развивалась так хорошо до сих пор! И, усилием воли заставив себя отбросить всякие посторонние мысли и сосредоточиться на одной только игре, Генриетта сказала себе:

«Будем мыслить логически. Если он жертвует конем, значит, ему надо свести моего слона с той линии, на которой он стоит. Для чего же именно надо ему это?».

Герцогиня мысленно сняла своего слона и постаралась представить себе, что произойдет тогда из этого для взаимоположения фигур. И вдруг внутри ее все возликовало: Боже, как это было просто и как дерзко спекулировал Людовик на ее необдуманной, порывистой игре!

Делая вид, будто она ничего не замечает, Генриетта осторожно освободила ладью, вывела своего коня и по третьему ходу, движением второго слона сразу угрожая всем главным силам противника, с ликованием воскликнула:

– Шах королеве! Ну, теперь она от меня не отвертится!

– Шах королеве, шах королеве! – рассеянно повторил Людовик, досадуя, что сам попал в ту яму, которую коварно рыл своей партнерше, – На этот раз я еще как-нибудь отверчусь, но вообще...

– Но вообще признайся, что мой «шах королеве» был подстроен очень тонко и ловко! – с торжеством воскликнула Генриетта.

Людовик оторвал взор от фигур и с тонкой улыбкой посмотрел на порозовевшую от радости герцогиню.

– Да, но тут, в сущности, нечему удивляться, – лукаво заметил он. – Ведь это – твоя специальность: направлять все свои удары на... королеву! Куда ни обернись, все ей, бедной, шах да шах! Не далее как третьего дня...

При этих словах Генриетте живо и отчетливо вспомнилась сцена, разыгравшаяся несколько дней тому назад в Фонтенебло, на маленьком интимном вечере у королевы. Мария Терезия, ревновавшая короля к его невестке и кухне,⁴ умышленно уколола чем-то герцогиню,

---

⁴ Мать Генриетты Английской, Генриетта Французская была родной сестрой отца Людовика XIV, Людовика XIII.

а та не осталась в долгу и туг же, хитро подстроив в разговоре западню недалекой королеве, заставила ее выставить себя в смешном, непростительно глупом виде.

– «Шах да шах»! – хмуро повторила Генриетта. – О, с каким восторгом я устроила бы ей полный, бесповоротный мат! Ах! – в приливе острой ревнивой тоски воскликнула она вдруг. – Зачем, зачем женился ты на этой толстой испанской короле!⁵ Почему ты не захотел рассмотреть ту страстную, всеобъемлющую, глубокую любовь, которой билось к тебе еще издавна мое сердце? Чем эта надутая испанка лучше меня? Я близка Франции по крови, я – сестра могущественного, дружественного монарха, я достаточно красива, раз сумела все-таки заронить и в твое сердце искру любви. Да, сумела, но... теперь, не тогда. О, почему, Луи, почему?

– Милая Генриетта. – мягко ответил король, притягивая к себе тонкую, выхоленную руку герцогини и нежно целуя ее, – ты не только «достаточно» красива!.. Ты бесконечно красива, бесконечно очаровательна... теперь! Да, из тебя вышла дивная, искристая, радужная бабочка, но та куколка, из которой вышла эта бабочка...

– Была отвратительна?

– Нет, но не могла заронить искру любви ни в ком! Теперь это – уже дело прошлое, Генриетта, теперь мы можем говорить об этом спокойно. Вспомни сама себя! В тринадцать-четырнадцать лет другие девушки уже приобретают женственную округлость линий, нежную прелесть форм, мягкую грацию движений. А ты... ты была каким-то мальчишкой в юбке! Как сейчас помню тебя! Худая, бесформенная, угловатая, ты не знала, куда девать слишком длинные руки и ноги. Твое бледное, черновато-серое лицо скрашивали только большие жгучие глаза, да и те горели слишком жутким огнем, а в минуты волнения скашивались. Да и все твои порывистые движения, твоя лихорадочная речь, вечные подергивания!

– У меня было слишком тяжелое детство, Луи, а, это не красит, – тихо ответила Генриетта, потупив глаза. – Вспомни, как мне приходилось тяжело! Ведь даже в родственной Франции нас только-только терпели, ненавистный Мазарини окружал нас с матерью чуть ли не тюремным надзором, а тут еще вечная тревога за брата.

– Ну да, моя бедная, ну да! – подхватил Людовик, снова целуя руку герцогини. – Но взвесь теперь также и это! Ты говоришь: «Я – сестра могущественного, дружественного монарха». А тогда? Конечно, если бы я мог только предполагать, что из угловатой девчонки-заморыша выйдет такая пышная красавица, а из принцессы в изгнании – сестра английского короля, то нашел бы в себе достаточно силы и энергии, чтобы дать отпор брачным проектам Мазарини и явить чуть ли не единственный пример монарха, которому выпало на долю редкое счастье сочетать влечение сердца с благом короны. Но возможно ли было тогда даже мечтать об этом? Впрочем, что тут и говорить? Ты сама по себе знаешь, Генриетта, что мы, члены венценосных семей, не вольны в брачном венце. Разве ты не вышла за Филиппа, принося свое отвращение к моему брату в жертву политическим соображениям Англии?

– Никогда! – крикнула Генриетта, порывисто вскакивая с кресла. – Неужели ты думаешь, что брат Карл мог бы принудить меня к браку, если бы я не захотела этого союза? Неужели ты думаешь, что я позволила бы превратить себя в жертву политических соображений Англии? Если Англия действительно так могущественна, то она могла бы обойтись в своих политических целях без того, чтобы вконец разбивать и без того надтреснувшее сердце сестры короля! Нет, Луи, я добровольно дала свое согласие, потому что Филипп – твой брат, потому что, выйдя за него, я могла провести всю свою жизнь во Франции, в непосредственной близости к тебе!

– Ну, я все-таки предпочел бы, чтобы Филипп не был мне так близок по крови! – буркнул Людовик, лицо которого омрачилось. – Однако будем продолжать игру! – и он сделал ход.

---

⁵ «Испанская королева» наряду с позднейшим «русская свинья» – очень распространенные ругательства в устах дружественной нам нации.

Несколько минут прошло в сосредоточенном молчании. Наконец Генриетта сказала, рассеянно двигая пешкой:

– По-моему, он все-таки затевает что-то. Ну, подумай сам! Когда он вернулся из Лувра, то заявил, что намерен воздержаться на ближайшее время от твоих поручений, так как хочет пожить в Париже в свое удовольствие. Третьего дня он еще утром ничего не говорил мне, а вечером вдруг сообщил, что барон Лионнеф пригласил его поохотиться в своих лесах близ ле Мана. Я не могу не сопоставить этого внезапного отъезда с перешептыванием Филиппа с этой противной графиней де Суассон, которая вечно подглядывает за нами.

– Да, очаровательная Олимпия все еще не может простить мне прошлое, – ответил король. – Но почему отъезд Филиппа кажется тебе подозрительным? Брат действительно любит охоту, у Лионнефа действительно имеется чудная охота близ Лемана. Но в том, что Филипп все-таки ревнует, я нисколько не сомневаюсь, и мне кажется, что нам надо придумать что-нибудь!

– Да, наши свидания не могут долго оставаться тайной, – согласилась Генриетта. – Самое лучшее будет, если ты начнешь ухаживать за кем-нибудь из моих фрейлин. У меня ведь много красавиц. Легкомыслие его величества, христианнейшего короля Франции, достаточно известно, и твоему мнимому увлечению сразу поверят. Филипп успокоится, а твоя мамаша вместе со всеми прихлебательницами, стремящимися водворить сердце короля на законном месте возле толстой и глупой Марии Терезии, кинутся по фальшивому следу. Чего же лучше? Но смотри! – прикрикнула она вдруг, сразу загораясь ревностью к тем улыбочкам и рукопожатиям, которыми Людовику придется наделить мнимую соперницу королевы, – чтобы это и в самом деле было только для вида!

– Как ты несносна со своей вечной ревностью! – досадливо пробурчал Людовик.

– Это потому, что я уж очень люблю тебя, мой прекрасный тиран! – ответила Генриетта, грациозным движением опускаясь на ковер у ног короля. – Я ревную тебя ко всем и ко всему – к коню, которого ты треплешь по шее, к собаке, которую ты ласково гладишь, к старому Лапорту,⁶ одевающему и раздевающему тебя, даже к ветерку, имеющему дерзость трепать твои дивные кудри, словом, ко всему ко всему! – и, словно послушная собачка, Генриетта покорно положила свою капризную головку на колени короля.

– Милая Генриетта! – с чувством произнес Людовик, ласково потрепав герцогиню по щеке. – Однако займемся снова шахматами. За игру, ваше высочество, за игру!

– За игру? – повторила Генриетта и, подняв голову, вдруг одним прыжком очутилась на коленях у Людовика. – Ну, так за игру, ваше величество! – И она принялась бурно целовать Людовика, шаловливо приговаривая при каждом поцелуе: – Шах королеве! Шах королеве!

– Генриетта, да бог с тобой, ведь окно открыто! – воскликнул Людовик, тщетно стараясь урезонить расшалившуюся женщину. Наконец он поднял ее и усадил, смеющуюся и задыхающуюся от борьбы, обратно в кресло. – Ну, – сказал он затем, – как видно, сегодня нам не играть! Можно смешать фигуры? – и с этими словами он занес руку над доской.

– Не смей! – капризно крикнула Генриетта – Мое положение гораздо лучше твоего, и тебе сегодня не увернуться от мата, уж нет!

В этот момент в дверь постучали.

– Войдите! – удивленно крикнула Генриетта.

Дверь открылась, а на пороге показалась смущенная, трепещущая Лавальер.

– Лавальер! – с негодованием крикнула Генриетта. – Что это значит? Вы осмелились? Как, вопреки моему строгому приказанию, вы решаетесь вламываться ко мне? Нет, я вижу, что совершила большую ошибку, не поддавшись первому впечатлению и не отправив вас обратно! Но это не поздно сделать и теперь...

---

⁶ Личный камердинер Людовика XIV, состоявший при нем еще с детства.

– Герцогиня! – мягко сказал Людовик, которого тронуло выражение искреннего, беспомощного отчаяния, ярко отразившееся на всей фигуре грациозной девушки. – Не думаю, чтобы мадемуазель решила нарушить приказание вашего высочества без достаточных к тому оснований. Поэтому не лучше ли сначала спросить ее, чем вызвано ее появление?

– Ну? – повелительно кинула Генриетта, обращаясь к Луизе.

– Ваше высочество, – чуть не плача, начала девушка. – Только что прибыл всадник, настойчиво требовавший, чтобы о нем доложили вашему высочеству. Во дворце его отказались пропустить, и тогда он обратился к нам, фрейлинам, гулявшим в парке, объяснив, что поручение к вашему высочеству дано ему каким-то высокопоставленным лицом, что это поручение должно быть передано вам до захода солнца сегодняшнего дня и что неисполнение этого поручения грозит тягчайшими последствиями. Ссылаясь на данный формальный приказ, дежурная при особе вашего высочества отказалась доложить о прибывшем, но я предпочла подвергнуться гневу вашего высочества, чем допустить, чтобы и в самом деле для вашего высочества произошли какие-нибудь неприятности.

– Но кто этот всадник?

– Он просил доложить о себе, как о «посланном из ле Мана»!

– Из ле Мана? Но в таком случае его послал герцог Филипп!

– Не думаю, ваше высочество, – ответила Луиза, покачав белокурой пышной головой. – Если бы это было так, то он прямо сказал бы. Кроме того, он назвал себя «посланным из ле Мана», а между тем сам сказал, что поручение дано ему в Рамбулье!

При этих словах Луизы Генриетта и Людовик переглянулись: одна и та же, близкая к истине, мысль мелькнула у обоих.

Затем Генриетта сказала:

– Вы хорошо поступили, дитя мое! Вы доказали, что вы – надежный и верный человек! Ну, так приведите сюда этого господина, а сами оставайтесь неподалеку: вы можете еще понадобиться! И помните: никаких лишних разговоров!

Обрадованная Луиза выпорхнула из комнаты и, вскоре введя в желтую гостиную Ренэ, сейчас же скромно удалилась вон.

Ренэ отвесил герцогине почтительный, изящный поклон, по всем правилам коснувшись пола жалким подобием пера на своей шляпе, а «придворному щеголю», сидевшему тут же, в комнате, только сдержанно и не без надменности поклонился. Затем он остановился в почтительной позе, ожидая вопросов.

– Вы прибыли из ле Мана? – спросила Генриетта.

– И да, и нет, ваше высочество, – почтительно ответил Ренэ. – «Да» – потому что я все-таки проезжал через этот город, «нет» – потому что я приехал из несравненно более далекого места, да и поручение дано мне не в ле Мане, а около Рамбулье!

– Прежде всего, кто вы такой? – резко опросил из своего угла «придворный щеголь».

Ренэ надменно поднял голову и с достоинством произнес:

– Прежде всего, с кем имею честь?

– Ну я, скажем, – мсье Луи, – ответил «щеголь», усмехаясь задору этого провинциального петушка. – А вы?

– Мсье Луи? – радостно воскликнул юноша, не отвечая на вопрос – Боже мой, неужели я сразу встречаю того самого человека, к которому предполагал обратиться по личному делу? Ведь вы – гардеробмейстер его величества короля?

– Нет, только однофамилец! – с улыбкой ответил король и тут же добавил. – Однофамилец и прямой начальник!

– А, значит, вы – один из маршалов двора! – догадался юноша. – Я так и подумал, потому что едва ли мсье Луи осмелился бы сидеть в присутствии ее высочества!

– А гардеробмейстер Луи, наверное, – ваш родственник? – продолжал спрашивать король, забавляясь все больше.

– Луи? Мне? – с негодованием воскликнул Ренэ. – Простите, я не имею чести знать вашу генеалогию, да вы и сами сказали, что вы – лишь однофамилец гардеробмейстеру, но тому Луи не может быть родственником Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк!

– Ого! – с одобрением сказал Людовик, – это имя звучит гордо и громко! Но вы напрасно обижаете моего доброго Луи, ведь он – дворянин!

– Фа! – презрительно фыркнул Ренэ. – Дворянин со вчерашнего дня! А один из Бретвилей был женат на незаконной дочери короля Филиппа Красивого.⁷ Вот еще в какие времена наш род уже был отмечен в истории славными делами! Нет, дело в том, что мне пришлось оказать пустячную услугу одному из родственников мсье Луи, и вот этот родственник дал мне письмо к последнему, так как я – совершенно один, без друзей и покровителей. Однако мое поручение, мое поручение! Ведь я обещал передать его до захода со лица! Бога ради, ваше высочество, простите мне мою неуместную болтливость и разрешите изложить то, что мне поручено!

Герцогиня дала это разрешение. Тогда Ренэ сказал:

– В нескольких лье от Рамбулье я встретил человека, назвавшегося графом де Гишем; он попросил меня немедленно поскакать в Париж, постараться до захода солнца увидеть ее высочество герцогиню Орлеанскую и передать ей, что «он» не поехал в ле Ман, что никакой охоты не будет и что сегодня к наступлению темноты «он» будет в Париже, причем постарается попасть домой незаметно, чтобы застать кое-кого врасплох!

– Какая низость! – воскликнула Генриетта, гневно сверкая глазами. – Я сейчас же прикажу закладывать экипаж и уеду в Блуа!

Герцогиня вскочила, намереваясь сейчас же исполнить свое решение, но «мсье Луи» остановил ее, сказав:

– И этим вы несомненно выдадите только графа де Гиша! Нет, ваше высочество, позвольте мне дать вам хороший совет и помочь разыграть веселую комедию. Но это потом, у нас еще имеется в распоряжении добрых три часа. А пока не разрешите ли расспросить молодого человека, как именно встретился он с Гишем и при каких обстоятельствах было дано ему это поручение?

– Что же, может быть, вы и правы, мсье Луи, – ответила Генриетта, – но в таком случае... Не будем забывать, что молодой человек ради этого поручения скакал от самого Рамбулье и, наверное, еле держится на ногах от усталости! Поэтому разрешаю ему присесть!

Следуя приглашению герцогини, Ренэ, рассыпаясь в тысяче благодарностей, деликатно уселся на кончик одного из стульев. При этом он попал в полосу солнечного света, от которого рукоятка его шпаги заискрилась и засверкала.

– Ба! Что это у вас такое? – воскликнул «мсье Луи», заметив бриллиантовые лилии на эфесе.

– Эту шпагу вместе с титулом герцога д'Арк пожаловал моему деду его величество король Генрих Четвертый! – с гордостью сказал Ренэ, обнажив шпагу и положив ее на стол перед Людовиком.

– Мой дед! – воскликнула Генриетта, с любопытством наклоняясь к шпаге. – Однако! – сказала она затем. – Ведь это – очень дорогая вещь!

– Еще бы! – с гордостью подхватил Ренэ. – Ведь это – подарок самого Генриха!

– Да, но помимо символической ценности – ценности королевского подарка – эта шпага имеет еще значительную денежную ценность, и меня в самом деле удивляет, как это... вы... – король несколько замялся, стараясь выбрать выражения как чтобы не задеть самолюбия щепе-

---

⁷ 1268–1314 гг.

тильного гасконца. – Ну, словом, вам, наверное, не раз предлагали продать это оружие за хорошие деньги, и меня удивляет... ведь, судя по всему, вы... небогаты...

– Эх, мсье Луи, мсье Луи! – тоном совершенно непередаваемой скорбной снисходительности заметили Ренэ. – Вот сразу и видно, что ваша родословная будет не из длинных! Иначе вы поняли бы, что не все меняется на деньги и что такая реликвия – выше оценки ростовщиков и менял! А, кроме того, с моей стороны было бы крайне неразумно упустить из рук такое оружие, которого мне самому уж никогда не приобрести! Помилуйте, ведь эта тоненькая, гибкая сталь легко пробивает монету!

– А ну! – сказал Людовик, бросая на стол золотую монету. – Это интересно!

Ренэ взял монету и сейчас же положил ее обратно, сказав:

– Эта не годится. Нет ли у вас иностранной? Изображения французского короля французское оружие не пробьет!

– Нет, да он – просто прелесть, наш милый, юный герцог! – воскликнул Людовик, искренне тронутый причудливым сочетанием юной деревенской наивности и яркой рыцарственности в этом «гасконском петушке». – Ну, опыт с пробиванием монеты мы произведем потом, а теперь время идет, и мы жаждем услышать от вас рассказ о том, как вы встретили графа де Гиша!

– Извольте! – согласился Ренэ. – Надо вам сказать, что тля истребила в этом году все мои виноградники, и я остался в полном смысле слова «на бобах», потому что, кроме бобов, мне нечего было есть. Вот я и решил махнуть рукою на старый, полуразвалившийся Бретвиль и попытать счастья в Париже. Сколотив кое как небольшую сумму денег, я добрался до Байонны, где сел на испанское судно, шедшее в Нант. Это был очень дешевый способ передвижения, но, как это часто бывает, дешевое оказалось дорогим: капитан обыграл меня в кости на значительную часть моего денежного запаса! Сойдя в Нанте с судна, я, по правде сказать, порядком призадумался. Ведь мне предстояло сделать до Парижа около ста лье,⁸ а денег у меня не было и на три дня пути! К тому же «мой верный Марс плохо перенес морское путешествие, явно недомогал, а денег на приобретение другой лошади у меня не было.

В таких стесненных обстоятельствах я выехал из Нанта. Я решил ехать ночами, а днем отдыхать где-нибудь – в любом номере «гостиницы Господа Бога», то есть под открытым небом. Лесные заросли, пещеры, островки на реках давали мне надежный и безопасный приют, а хлеб с сыром да вино, закупаемые в придорожных селениях, заменяли завтрак, обед и ужин. Но, уверяю вас, я чувствовал себя прекрасно и был бы совершенно доволен, если бы только не недомогание Марса, чувствовавшего себя с каждым днем все хуже и хуже. И с каждым днем переезды были все короче, отдых – все чаще и продолжительнее. А ведь время шло, деньги текли.

Третьего дня утром я прибыл на границу леса Рамбулье, недалеко от города того же имени. Разыскав в лесу какую-то полуразвалившуюся хижину, я с комфортом выспался там на ложе из сухих листьев. Теперь мне оставалось до Парижа всего десять-двенадцать лье. Будь мой Марс вполне здоров, я мог бы к утру уже добраться до столицы, но с лошастью делалось совсем неладное: Марс хрипел, вздрагивал всем телом и то и дело спотыкался. А ведь у меня оставалось всего лишь несколько су!⁹

Я видел, что Марсу надо дать более продолжительный отдых, что дело могло кончиться плохо, но иссякновение денежного запаса не оставило мне выбора, и под вечер я тронулся в путь. Сначала Марс еще бежал кое как, но в двух-трех лье от Рамбулье он вдруг затрясся всем телом и тяжело рухнул на землю как раз пред крыльцом деревенской харчевни, на котором стоял в позе глубочайшей задумчивости молодой, нарядный и очень красивый дворянин.

---

⁸ Около четырехсот верст.

⁹ Мелкая французская монета, около двух копеек.

Должно быть, у меня был очень комичный вид, когда я, в немом отчаянии всплеснув руками, застыл над конвульсивно вздрагивающим телом отдавшего свою лошадиную душу Марса. По крайней мере с лица молодого дворянина сбежало выражение озабоченной задумчивости, и он весело расхохотался.

– Сударь! – сердито крикнул я, чувствуя желание сорвать на ком-либо свое отчаяние. – Судя по костюму, вы – дворянин, но, видно, ваше дворянство не идет далее платья, потому что иначе вы поняли бы, насколько неблагородно смеяться над несчастьем человека, попавшего в безвыходное положение!

Я ждал резкого ответа и уже со сладострастием схватился за эфес шпаги. Но дворянин, пропуская мимо ушей оскорбительность моего восклицания, вдруг положил палец на губы, как бы приказывая мне молчать, и повелительно поманил за угол дома, где под большим старым платаном виднелась скамья. Растерянный, недоумевающий, я машинально подчинился этому безмолвному приказанию.

– Вы едете в Париж? – спросил меня молодой дворянин.

– Еду? – с горечью повторил я. – Нет, я ехал, а теперь... иду!

Юноша пытливо осмотрел меня с ног до головы и потом сказал:

– Согласитесь по прибытии в Париж исполнить маленькое поручение, и я подарю вам лошадь и дам денег!

– Сударь! – с негодованием перебил его я. – Ренэ де Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк может оказать одолжение другому дворянину, но плату он принимает лишь от государя или от принца крови!

– Ах, ну пусть это будет не плата, а просто одолжение – за одолжение! – нетерпеливо ответил мне юноша.

– Я могу принять одолжение такого рода лишь от лица, равного мне по происхождению, – возразил я. – Поэтому будьте добры сказать, с кем я имею честь разговаривать?

В этот момент из дома послышался чей-то тягучий, капризный и очень противный голос...

– Ручаюсь, что это был голос его высочества, герцога Филиппа Орлеанского! – насмешливо вставила Генриетта, но, заметив, как покраснел и смутился Ренэ Бретвиль, поспешила прибавить. – Не смущайтесь, не смущайтесь, юноша! Вы сказали чистую правду! Ну-с, продолжайте!

– Этот голос, – продолжал Ренэ, – крикнул: «Гиш, да куда ты запропастился? Верно, опять обхаживаешь какую-нибудь смазливую девчонку? Мне скучно!»

– Оставайтесь здесь, я сейчас успокою его! – шепнул мне юноша и поспешно ушел, а я так и замер от неожиданности, подумав:

«Неужели со мной действительно говорил потомок "прекрасной Коризанды"¹⁰, известный своими успехами на полях брани и любви, граф де Гиш?».

– О, судя по предположению, высказанному его высочеством, это был несомненно граф Арман, который пошел в своего дядюшку Филиберта! – иронически заметил «мсье Луи». – Но что же произошло с вами дальше?

– Через некоторое время, – продолжай Ренэ, – юноша вернулся.

– Успокоил! – шепнул он мне, радостно потирая руки. – Я вкатил ему бутылку крепкого мускатного вина, и у нас будет достаточно времени, чтобы поговорить на свободе. Кстати, –

---

¹⁰ Прозвище графини де Гиш, фаворитки короля Генриха Четвертого. В войне против Лиги Диана де Грамон-Гиш предоставила в распоряжение Генриха (в то время наваррского короля) все свое громадное состояние. Генрих хотел, разведясь с Маргаритой, жениться на Диане и даже выдал ей клятвенное обещание, написанное кровью. Но это обещание так и не было исполнено им. При дворе Людовика XIV пользовались известностью три потомка «прекрасной Коризанды»: герцог де Грамон (Антуан Третий), граф де Грамон (Филиберт, брат последнего, высланный Людовиком из Франции за бесконечные любовные похождения) и просто де Грамон (Арман, граф де Гиш, младший сын первого).

вдруг спохватился юноша, – не спрашивайте и не пытайтесь ни теперь, ни когда бы то ни было догадываться, кто такой – этот *он*: существуют секреты, о которых лучше всего забыть, особенно если собираешься сделать карьеру при дворе, а я должен очень ошибаться, если только вы не за этим едете в Париж. Но не беспокойтесь, исполните только мое поручение, и я вам помогу. Впрочем, вы еще не дали мне своего согласия, вы еще не знаете, можете ли принять от меня помощь? Ну, так меня зовут Арман де Грамон, граф де Гиш! Достаточно ли оно звучно для вас?

– Оно не только слишком звучно, – ответил я, – но и обеспечивает мне, что от меня не потребуется ничего, нарушающего долг дворянина!»

– Ну, в этом отношении вы были вовсе не так правы, как думаете, – заметил «мсье Луи» с кислой улыбкой. – Имя «Гиш Грамон» далеко еще не обеспечивает порядочности!

– Прошу извинить, но я не считаю какого-то «мсье Луи» компетентным в вопросах чести, касающихся высшего дворянства! – надменно возразил Бретвиль.

– Продолжайте! Не обращайтесь на него внимания! – с улыбкой заметила Генриетта, подмигивая Людовику.

– О, – воскликнул в ответ граф, – продолжал Ренэ, – все дело идет о том, чтобы предупредить молодую и прекрасную женщину о грозящей ей опасности!

– В таком случае, – крикнул я, – я готов отправиться хоть сейчас, даже если бы мне пришлось бежать пешком вплоть до самого Парижа!

– Ну, в этом, слава богу, нет необходимости, – улыбаясь, возразил мне де Гиш. – Однако я пойду, посмотрю, крепко ли спит *он*, а затем мы с вами поужинаем и поговорим.

Граф снова на минуточку скрылся в дом и затем, выйдя ко мне, увел меня двором во внутренние комнаты харчевни. Кроме старухи-хозяйки, там не было никого: по всему было видно, что таинственный *он* обставил тщательным секретом свое пребывание в деревенском постоялом дворе и что туда больше не пускали никого из приезжих. Да их и не было: все предпочитали отдыхать в Рамбулье.

Угостив меня великолепным ужином, граф сказал:

– Теперь поговорим о нашем деле. Еще раз предупреждаю, что вы не должны стараться проникнуть в истинную подоплеку вещей. Позднее, когда вы обживетесь при дворе, вам станет многое ясно само собой, но и тогда не советую вам проявлять излишнюю любознательность!»

– От всей души присоединяюсь к этому совету! – заметил Людовик.

– После этого граф произнес: «Поэтому, не ломая головы над разгадкой того непонятного, что будет для вас в моих словах, постарайтесь только хорошенько усвоить и запомнить их для передачи кому следует! После нашего ужина вы ляжете спать и на рассвете тронетесь в путь. Вы поедете прямо в Париж, стараясь добраться туда как можно скорее. Если ваша лошадь притомится, бросайте ее и покупайте свежую. Во всяком случае, так или иначе, но до захода вы должны быть в «Пале-Рояле», добиться там лично аудиенции у ее высочества герцогини Орлеанской и передать ей то, что я вам сейчас скажу. *Он* задумал подстеречь *ее*. Об этом *он* сказал мне лишь тогда, когда мы доехали до Шартра. Дальше Шартра *он* даже не поехал, так как ровно никакой охоты не предполагалось, и в ле Ман *ему* ехать было незачем.

Я тогда же решил предупредить *ее* об ожидающей *ее* ловушке, но *он* не отпускал меня ни на шаг, да и мне некому было довериться. Никому из слуг я не мог поручить такое щекотливое дело. Я уже начинал отчаиваться, как неожиданно встретил вас и поручаю вам известить через посредство герцогини *ее* обо всем. Завтра утром мы двинемся в путь с таким расчетом, чтобы при наступлении темноты быть уже в Париже, где нас никто не ожидает». Так оказал мне граф де Гиш, – продолжал Ренэ, – а я сейчас же вызвался охотно сделать все, как нужно.

Я предложил даже во избежание излишних подозрений не брать лошади у графа, а воспользоваться первой попавшейся крестьянской, добраться до ближайшего селения, там переночевать и утром приобрести хорошую лошадь, на которой и добраться до Парижа. Граф одоб-

рил мой план, вручил мне кошелек, наполненный в изобилии «презренным металлом», и мы простились, обещая свидеться в Париже через день.

Я рассчитывал, что успею добраться до Парижа задолго до условленного срока, однако у судьбы оказалось в запасе для меня несколько приключений, которые порядком задержали меня. Никогда не подумал бы я, что в такой близости от столицы слоняются целые банды разбойников и что мне придется последовательно отбиваться от двух шаек. Затем случилось еще маленькое дело чести, которое пришлось решить тут же, на месте, в Севре. Однако я очень торопится и, как видите, все же успел попасть в Париж вовремя!

– Еще два слова, – сказал Людовик. – Что вы предполагали делать в Париже?

– Я рассчитывал навестить мсье Луи и вручить ему письмо гарбского родственника в надежде, что мне удастся пристроиться на королевскую службу!

– Ну и отлично! Пусть граф де Гиш приведет вас ко мне, и мы посмотрим, что можно будет сделать. Я ведь уже сказал вам, что я – прямой начальник мсье Луи, а потому могу быть вам полезнее, чем он! – улыбаясь, добавил король. – Ну-с, а теперь, – обратился он к Генриетте, – мне кажется, что молодой человек честно заслужил право на отдых, и вы, ваше высочество...

– О, конечно, конечно! – подхватила Генриетта и, сейчас же схватившись за палочку слоновой кости, закругленным концом ее три раза ударила по большой серебряной раковине, повисшей на кадудее¹¹ устремившегося в полет Меркурия.

На звонок явилась Лавальер.

– Милая Лавальер! – сказала ей герцогиня, – распорядитесь пожалуйста, чтобы этого молодого человека устроили как следует. Он совершил продолжительный и трудный переезд, ему нужен отдых. Кроме того, будьте любезны передать своим подругам и принять во внимание сами, что я требую полного молчания обо всем случившемся!

Низко присев в ответ, Луиза повела Ренэ к мажордому, чтобы распорядиться ужином и помещением для усталого гонца.

В коридоре она спросила Ренэ:

– Ну, как видно, все обстоит очень хорошо?

– О, благодарю вас, благодарю вас! – воскликнул юноша. – Именно вам я обязан теперь всем своим счастьем, всей своей дальнейшей судьбой! – и Ренэ сделал попытку схватить Луизу за руку, чтобы почтительно поцеловать кончики ее пальцев.

Снова от прикосновения юноши сухой, горячий ток побежал по всему телу девушки, и, резко вырвав свою руку, она попросила Ренэ оставить эту манеру.

– Простите, но я не хотел обидеть вас! – грустно и смущенно сказал Бретвиль.

Они молча сделали еще несколько шагов. Затем, снова отдавшись думам о своем будущем, Ренэ спросил Луизу:

– Скажите, мадемуазель, действительно ли мсье Луи имеет такое влияние при дворе и может сделать кое-что для меня?

– Мсье Луи? Гардеробмейстер короля? – удивленно спросила Луиза.

– Да нет, его однофамилец!

– Однофамилец?

– Ну, да! Словом – тот самый, который был сейчас у ее высочества!

– Ах, этот! – отозвалась Луиза, весело улыбаясь, и, плутовски посмотрев на своего спутника, с важным видом ответила. – Этот мсье Луи действительно имеет кое-какое влияние при дворе и может сделать кое-что для вашего будущего!

---

¹¹ Кадудей – атрибут Меркурия, сына Юпитера, посланника богов и бога красноречия, торговли и воров – состоял из палочки (жезла), перевитой двумя змеями и снабженной на конце парой орлиных крыльев. Змеи являлись тут символом осторожности и хитрости, орлиные крылья – символом деятельности, стремления, полета творческой фантазии.

Ш

– Однако! – воскликнул Людовик, когда остался наедине с Генриеттой, – мой дражайший брат, по-видимому, совсем рехнулся!

– Я с ужасом думаю, что произошло бы, если бы Гиш не был так искренне предан тебе, несмотря на всю твою несправедливость, или если бы ему не удалось предупредить нас! – отозвалась Генриетта.

– Ну, – пренебрежительно возразил Людовик, – хуже всего пришлось бы самому Филиппу, потому что французский король не может простить тому, кто сознательно поставит его в смешное, унижительное положение! Удайся замысел Филиппа, так его высочеству пришлось бы познакомиться с Бастилией!

– Но... скандал...

– Да, скандал был бы все-таки не маленький, и потому нам надо, во-первых, отбить охоту у Филиппа на будущее время заниматься такими подвохами и, во-вторых, вообще отвлечь его подозрения. Что касается первого, то это устроить нетрудно, и я скажу тебе как. Что же касается второго... ну, тут я не вижу иного исхода, кроме того, который предложила ты сама, то есть начать ухаживать за одной из твоих дам!

– Гм... – произнесла Генриетта, задумываясь. – Ну так что же? – сказала она затем. – Давай решим, кого выбрать. Не хочешь ли де Воклюз или де Пон?

– Ну, вот еще! – морщась, возразила король. – Воклюз черна, суха и зла, а де Пон со всей своей красотой все-таки больше похожа на породистую корову чем на девушку.

– Позволь, друг мой! – зло крикнула герцогиня. – Мы ведь выбираем не подходящую любовницу для тебя, а отвод глаз для Филиппа и королевы-матери! Между тем ты...

– Между тем я хочу, чтобы этот «отвод глаз» был правдоподобен и чтобы нашу игру не мог разгадать с первого шага любой ребенок, что неизбежно случится, если я выберу такую, которая не соответствует моим вкусам. А вот что ты думаешь относительно этой маленькой Лавальер?

– Никогда! – крикнула Генриетта в ответ. – Ты смотрел на нее слишком сочувственно, друг мой! Я уже вижу, куда ты клонишь! Скажи просто, что я тебе надоела... и... что... – и голос герцогини дрогнул, обещая близкие ревнивые слезы.

– Хорошо, – ледяными тоном сказал Людовик, вставая с кресла, – тогда мне остается еще один исход – самый лучший, пожалуй! Нам нужно порвать, Генриетта, и тогда все уладится само собой!

Герцогиня вскочила, но сейчас же, смертельно побледнев, пошатнулась и судорожно ухватилась за ближайший стул.

– Ну да, Генриетта, – сказал король, смягченный видом этого безмолвного отчаяния, – подумай сама: я ведь должен вечно быть между двух огней. С одной стороны – меня допекает наставлениями мать, донимает слезами Мария Тереза, а с другой – то Филипп устраивает мне сцену ревности из-за того, что я слишком нежно посмотрел на тебя, то ты накидываешься на меня с упреками, почему я на тебя даже не посмотрел! Так жить нельзя, милая Генриетта! К чему мне даже из лучшего, высшего счастья делать для себя какой-то подвиг, превращать сладчайшие мгновенья жизни в минуты злейшей досады? Конечно, ни наставлений королевы-матери, ни слезливости королевы-супруги мне не избежать, но и на то, и на другое я обращаю мало внимания. Однако, когда мне представляется возможность избавиться от скандальной, досадливой ревности Филиппа, тогда ты находишь обильную пищу для собственных ревнивых подозрений!

Людовик замолчал и искоса посмотрел на герцогиню, ожидая ее ответа.

Прошло несколько секунд молчания, затем, глотая слезы, упорно накипавшие в груди, герцогиня оказала:

– Лавальер... не подходит... вообще... Она слишком наивна, мечтательна и... неиспорчена. Эта глупая гусыня попросту не поймет тонкого удовольствия игры в любовь...

– Да, это трогательное существо, пожалуй, и в самом деле не годится для подобной забавы! – пробормотал Людовик в прибавил. – Ну, если Лавальер не подходит, то это – другое дело, это – по крайней мере законный довод. Но кого же нам выбрать в таком случае и кто из твоих девиц не возбудит в тебе нового припадка острой ревности?

– Что ты скажешь о д'Артиньи? – спросила, подумав и почти успокоившись, Генриетта.

– Д'Артиньи? Ну что же! Она изящна, стройна и не глупа, и если твоя ревность допустит, чтобы я для вида занялся ею...

– Пожалуйста!.. Уж кто бы говорил про ревность, да не ты! – смеясь, воскликнула окончательно успокоившаяся Генриетта. – А Гиш? Разве ты не приревновал меня к нему без всяких оснований?

– Ну, чтобы это было без всяких оснований...

– Но конечно так! Подумай сам: если бы Гиш был действительно увлечен мной, то не стал бы мешать замыслам герцога Филиппа, а, наоборот, сделал бы все, чтобы они удались. Ведь тогда между тобой и мной возникла бы преграда в виде скандала, которую...

– Которую было бы вовсе не так трудно преодолеть, как тебе кажется! Зато, удайся замысел Филиппа и выяснись, что Гиш не принял мер к предупреждению скандала, между тобой и им возникла бы более существенная преграда в виде тех сотен лье, которые стали бы отделять его от Парижа после изгнания из пределов Франции! Поверь, милая Генриетта, Гиш отлично учел это!

– Луи, Луи! – воскликнула Генриетта, качая головой. – Ты так молод и уже не веришь в людское бескорыстие!

– Нет, – ответил Людовик, – в людское бескорыстие вообще я пока еще верю, но в бескорыстие графа Де Гиша... Впрочем, о чем тут говорить? Каковы бы ни были мотивы Гиша, он все же оказал мне большую услугу, а это я не должен и не стану забывать. Пожалуйста, Генриетта, ты, наверное, увидишься с Арманом, ну так скажи ему, чтобы завтра утром он зашел ко мне, захватив с собой также и этого гасконского чудака!

– Да, но Филипп, Филипп! – воскликнула Генриетта. – Ты ведь хотел дать мне совет, как лучше всего проучить моего муженька, чтобы надолго отбить у него охоту к подобным выходкам!

– О, мой план крайне прост: пусть Филипп попадет в ту самую яму, которую роет другим! Он хотел устроить скандал, который должен всей тяжестью лечь на нас с тобой, так пусть же устроенный им скандал обрушится на него самого. Он хотел, чтобы скандал помешал нам любить друг друга, а мы сделаем так, чтобы скандал помешал ему в будущем открыто ревновать!

– Да, но как это сделать?

– А вот послушай! – и король шепотом передал Генриетте свои соображения.

IV

Людовик был совершенно прав, объясняя поступок Армана Грамон, графа де Гиша не бескорыстной преданностью своему государю, а лишь одними утилитарными соображениями. Действительно у Гиша была тысяча мотивов желать, чтобы план Филиппа потерпел крушение, но не было ни одного мотива желать торжества этому плану.

Прежде всего Гиш отнюдь не был увлечен Генриеттой Английской, а следовательно, не мог связывать никаких личных планов с торжеством филипповой ловушки. Конечно, красавец

Арман слегка приударял за герцогиней и не отказался бы довести это ухаживание до вожденного конца, если бы к тому представился удобный случай. Но точно так же он стал бы добиваться благосклонности любой красивой женщины, так как, считаясь одним из опаснейших донжуанов своего времени, готов был непрестанно увеличивать длинный синодик своих любовных жертв. К тому же Генриетта была женой брата короля и возлюбленной последнего. Через нее можно было добиться многого, а ведь кодекс чести того времени не только не возбранял пользования услугами женщины, а даже возводил это в особую заслугу. Принимая услуги от мужчины, дворянин относился к этому с той преувеличенной чуткостью, которая чрезвычайно ярко выразилась в ответе Ренэ Бретвиля Гишу: «Дворянин принимает плату только от короля или от принца крови, принять же деньги в одолжение может лишь от лица, равного ему по происхождению». Действительно, взять деньги в вознаграждение за услугу, оказанную менее родовитому дворянину, было бы просто позорным. Зато взять займы у ростовщика-мещанина, зная заранее, что отдать будет нечем, было вполне естественно. А жить всецело на счет женщины, хотя бы немолодой, некрасивой и незнатной, было по понятиям того времени такой доблестью, что, хвастаясь своей связью, иной дворянин старался преувеличивать «субсидию», получаемую им от своей «милой». Конечно, в деньгах богатый Арман де Грамон не нуждался, но ведь капитализировать влияние жены королевского брата можно было не только в виде звонкой монеты!

Таким образом, не отказываясь от милостей Генриетты «в случае чего», Арман де Гиш тем не менее не питал в данный момент никаких особых намерений и планов на эти милости. Тем более ему было досадно, что из-за Генриетты король порвал сердечную дружбу, чуть ли не с детства связывавшую Людовика с Арманом. Предупредить планы Филиппа значило вернуть утерянную дружбу и увеличить расположение самой Генриетты. Правда, зато неминуемо охлаждение самого Филиппа. Но дружбой герцога Орлеанского Арман нисколько не дорожил. Ведь Филипп приблизил его после постигшей его королевской немилости с явным расчетом приобрести союзника, раздосадованного королевской несправедливостью и готового интриговать против короля. Такая дружба была слишком опасна и сожалеть о ее окончании было нечего!

Но помимо всего этого был еще один мотив, важность которого, быть может, не вполне сознавалась самим Гишем, но который один мог побудить его на предпринятый им шаг.

Уезжая из Парижа, Гиш не был посвящен в планы герцога Орлеанского. Только в Шартре, напившись «до положения риз», Филипп открыл своему новому другу, что охота – лишь ловушка, с помощью которой он рассчитывает застать на месте преступления неверную жену с ее дружкой, «кто бы он ни был». Гиш был очень неприятно изумлен этим открытием, но не мог ничего возразить в тот момент, так как хмель Филиппа перешел в истерическое неистовство. Герцог разразился рыданиями, жалобами, проклятьями; он стучал кулаками по столу и кричал, что ему надоело быть посмешищем всей Франции.

Гишу стоило немало труда успокоить герцога и уложить его в кровать, не прибегая к помощи слуг, для слуха которых отнюдь не предназначалась пьяная интимность его высочества. Кое-как ему удалось уложить Филиппа. Тогда Арман ушел к себе, обдумывая узнанное. Гму была очень неприятна мысль оказаться причастным к такой опасной интриге. Однако долго он над этим не раздумывал. Ведь Филипп часто менял решения и легко мог отступить в решительную минуту. А если даже герцог и выкажет упорство в совершении задуманного плана, то кто мешал ему, Гишу, заболеть на обратном пути и таким образом оказаться в стороне от всего? Впрочем, Гиш немало надеялся на то, что вытрезвившись, герцог или сам откажется от своего решения, или склонится на разумные, осторожные доводы.

На следующее утро Гиша довольно рано позвали к Филиппу. Герцог Орлеанский сидел пред накрытым на два прибора столом и с мрачным видом тянул легкое кислое вино, казавшееся небесным нектаром с похмелья.

При входе Гиша Филипп сначала с сердитым смущением отвел глаза в сторону, а затем сказал с кривой усмешкой:

– Что, хорош я был, верно, вчера, Гиш, а?

– Ваше высочество, – ответил ловкий царедворец, умело придавая тону голоса глубокую сердечность, – истинное горе не думает о том, чтобы облекаться в изящные формы!

– Ты – славный малый, Гиш, – отозвался Филипп, а затем, помолчав немного, продолжал все с той же кривой усмешкой. – Только мне кажется, что истинное горе я испытываю как раз теперь, а не вчера! Что за подлое состояние! Внутри – полная пустота, выжженная огнем, а о пище я и подумать не могу. И голова трещит. Слава богу, хоть от этой кислой бурды полегчало. Фу, я напился вчера, словно ландскнехт! Гиш, я повешусь, если ты не поможешь мне справиться с этим ужасным состоянием!

Две-три рюмки простой крестьянской водки, выпитой герцогом по совету опытного Гиша, прогнали головную боль, рассеяли подавленное состояние и вызвали прилив аппетита.

Филипп снова повеселел и опять заговорил об интересовавшей его теме:

– Вот ты говоришь «истинное горе», дружище Гиш... Видишь ли, это не совсем так! Большого горя я от измен Генриетты не чувствую – ну ее совсем, эту развратницу! Конечно, сначала я ее очень полюбил; ты знаешь, что я на первых порах зажил честным семьянином и даже порвал со смуглянкой Воклюз, которая была очень забавна. К Воклюз я был даже привязан, но... Нет, брат, делиться я не мог! Только моя любовь к Генриетте прошла почти так же быстро, как вспыхнула. Сам знаешь, милый мой: когда наше чувство постоянно ударяется куда-то впустую, оно мало-помалу тает и улетучивается совсем.

Герцог Гиш лишь молча кивнул головой. Филипп налил стакан вина, выпил его залпом и продолжал:

– Да, сначала я чувствовал действительное горе от того, что не мог вызвать в сердце Генриетты такой же ответной любви, какой был полон к ней я сам. Но чувство страдания скоро стало сменяться злобой и раздражением. Ну, если Генриетта не может полюбить, что же делать! Но я ведь – ее супруг! Я – брат и сын королей! Между тем эта женщина обращалась со мной, словно с лакеем! За что, Гиш, за что? Разве она не добровольно стала моей женой? Ну так за что же, Гиш?

– Ваше высочество, – ответил Арман, – разве женщин можно спрашивать «за что» и «почему»? Может быть, именно за то, что вы слишком любили ее! А может быть также, что, отнесись вы к ней теперь с ледяным равнодушием, оставь вы ее совершенно в покое, не делай вы ей упреков, – она первая стала бы добиваться возврата вашей любви и расположения!

– Верно, Гиш, верно! – подхватил Филипп. – Неужели ты думаешь, что я не знаю женщин настолько, чтобы не попытаться прибегнуть к этой уловке? И я поступил бы так, непременно поступил бы, если бы тут не вмешалось еще одно обстоятельство... вот то самое, ради которого я и поехал на мнимую охоту! Понимаешь, заведи себе Генриетта просто дружка, будь этот дружок обыкновенным дворянином, я пошел бы к ней, объяснился бы с ней начистоту и сказал бы ей: «Свобода для тебя, свобода – для меня, приличие и сохранение внешней благопристойности – для нас обоих!». Коротко и ясно! Но так... Нет, клянусь: потомок Людовика Святого, внук Генриха Четвертого и сын Людовика Тринадцатого слишком хорош, чтобы быть только мужем королевской любовницы.

– Ваше высочество! – с ужасом воскликнул Гиш. – Вас могут услышать!

– Э... это – секрет полишинеля!.. Да, милый мой Гиш, вот то, с чем я не могу примириться! Людовик не смел делать это. Жена брата должна была быть для него священной, так же, как и честь брата. Разве я могу долее сносить эти вечные хихиканья, вечные перешептыванья на мой счет? Я читаю явную насмешку во взглядах всех дам, всех кавалеров, солдат, священников, иностранных дипломатов – всех!

– Ваше высочество, это – лишь воспаленное воображение!

– Может быть. Да ведь ты знаешь меня, я продолжал бы негодовать втайне и долго не решился бы на смелый шаг. Но тут случилось одно дело, о котором никто не знает, кроме короля и обеих королев. Тебе я могу рассказать. Видишь ли, как-то в конце лета в Фонтенебло было устроено одно из обычных празднеств. Ну... выпито было немало! Вот я и вздумал приволокнуться за одной из новых фрейлин королевы, девицей де ла Тур-де-Пен. Девчонка-то сама мне вовсе не нравилась, а так... баловство одно! Ну, а эта глупая гусыня обиделась за то, что я обнял ее в парке, и осмелилась оттолкнуть меня! Понимаешь – меня! Ну, тут я ей и дал слово, что она будет моей, да, не теряя времени даром, той же ночью влез к ней в комнату через окно. Дурёха подняла крик, выскочила в коридор в одной рубашке, и пришлось мне спастись бегством. На следующее утро – исповедь, разумеется! Сначала повели меня, раба Божьего, к королеве-матери, затем меня отчитала королева Мария Тереза. Ну, это все – честь честью. Мамаша должна была усостыжить блудного сына, королева вступилась за свою фрейлину – ничего против не имею. Но можешь себе представить мое изумление и негодование, когда меня вдобавок вызвал к себе братец Людовик! И как ты думаешь, что он осмелился поставить мне в упрек? Я, дескать, порочу его королевскую честь, устраивая бесчинства в королевском дворце, а затем я не считаюсь с супружеским долгом и не щажу чести моей примерной жены! Нет, как тебе это нравится, Гиш? это осмелился оказать мне Людовик, наставляющий мне рога в моем собственном доме, с моей собственной «примерной женой»! Я чуть не задохнулся тогда от злобы, судорога перехватила мне горло, и это спасло меня: иначе я наговорил бы королю-брату много лишнего! В тот же день Людовик услал меня с вымышленным поручением в Дувр. Но пред отъездом я устроился так, чтобы иметь верные сведения о поведении моей жены и короля. То, что я узнал при возвращении, окончательно взбесило меня! Да ведь эта милая парочка почти перестала стесняться! По крайней мере королева-мать уже несколько раз усостыживала Людовика, а королева-супруга открыто устроила скандал Генриетте, хотя в конце концов ей же, бедной, и попало, потому что с Генриеттой не дай бог связаться. Ну, вот теперь и посуди сам, Гиш, прав ли я или нет, если хочу разорвать это насильственное положение! Накрыв парочку на месте преступления, я сделаю свой дальнейший союз с Генриеттой невозможным, а у короля отобью охоту вмешиваться в мои дела!

– Ваше высочество, – ответил Гиш, напрягая весь свой ум и ловкость, чтобы, не вызывая в Филиппе духа противоречия, попытаться отклонить его от задуманного. – О том, что вы правы, не может быть никакого спора. Конечно, муж всегда прав, когда отстаивает свое достоинство. Но нельзя увлекаться одной только жадной осуществлением своих прав, нельзя отдаваться законной мести, не взвесив, да не обрушатся ли последствия мести на самого мстящего? К чему должны вы стремиться? Мне кажется – к тому, чтобы на вашу долю досталось торжество, на долю ваших оскорбителей – унижение. Боюсь, однако, что ваш план поведет лишь к совершенно обратному результату и что на вашу долю достанутся новые унижения, а на долю оскорбителей – новое торжество! В самом деле, примите во внимание как гордый, самолюбивый характер его величества, так и положение вашей супруги, сестры дружественного, союзного Франции монарха. Ну хорошо! Вы застанете любовников на месте преступления, насладитесь кратким торжеством. А дальше? Скандал огласки не получит, развода с ее высочеством не допустят, вас же либо подвергнут продолжительному изгнанию, либо сошлют, либо – от его величества можно ждать всего! – посадят в Бастилию. И тогда король будет совершенно открыто и без помехи навещать вашу супругу, которой уже не сможет грозить тогда вмешательство ревнивого мужа. Что же готовите вы себе таким образом? Новые страдания и никакой радости!

– Ты заблуждаешься самым коренным образом, милейший Гиш! – со злобной усмешкой возразил Филипп, снова начинавший хмелеть. – Не забудь про существование двух важных инстанций – моей матушки в Испании! Матушка не допустит, чтобы я пострадал за чужую вину; она ведь в юности достаточно грешила против святости домашнего очага, чтобы теперь

не проникнуться благоговением к этой святости. А с мнением и желаниями королевы-матери братец не может не считаться. Нет, в Бастилию меня не посадят, за это я тебе ручаюсь! Далее ты говоришь, что король станет свободно навещать мою супругу. Да ведь разрыв между мной и герцогиней будет открыт, какое мне дело тогда, с кем и как она путается? А главное – этого не будет! Испания не потерпит такого явного оскорбления своей инфанты!¹² Уж не думаешь ли ты, что Людовик решится из-за Генриетты на войну? И неужели ты думаешь, что английский король первый не вызовет сестры из Франции, раз ее имя с угрозой будет трепаться всем народом в качестве причины международных осложнений? Ну, так чем же я рискую? Небольшой прогулкой за границей или отъездом на юг? Плевать я хотел на такое наказание! Вот ты говоришь: «Новые страдания и никакой радости»! Да, да, брат, радость! Ты вот молот что-то про права да про сладость мести... Глупости все это! У меня совсем другая заковырка. Ты думаешь, я отправлюсь в изгнание или ссылку один? Как бы не так!

– Да что же именно задумано у вас, герцог? – спросил Гиш.

Филипп, хмелевший все больше и больше, залпом выпил еще стакан крепкого вина и продолжал заплетающимся языком:

– Я, брат, себе такую козявочку присмотрел, что просто отдай все, да и мало! Вот она, радость-то! Да, милый мой, всех в дураках оставляю. Видал, может, у Генриетты новую фрейлину? Этакая дикая козочка из Турени: Луиза де Лавальер! Это тебе будет не какая-нибудь дела Тур. Та – из озорства, а стыдливости – ни на грош. Ну а Луизочка... Господи, что за голубок!.. Хэ-хэ-хэ... они меня в ссылку, а я – с Луизочкой... – Герцог Орлеанский сделал попытку налить себе еще вина, но рука повиновалась ему даже менее языка, и, залившись пьяным, с идиотским смешком, он пробормотал: – Помоги-ка мне, Гиш, добраться до постели! Опять меня разморило...

Гиш кое-как уложил герцога Филиппа и затем взволнованно кинулся в сад. Он сам не понимал, почему такой болью отозвались в его сердце слова герцога Филиппа, но остро сознавал, что не может допустить осуществления высказанных им поползновений на Луизу де Лавальер.

Луиза! Пугливая серна с кротким, ласковым взглядом глубоких глаз! Ландыш лесной, чарующий скромным нарядом невинности и безыскусственным ароматом лесов! И это чудное создание должно пасть жертвой недалекого, хмельного, грубого в душе и во вкусах герцога Орлеанского, который лишь сорвет покровы девичьей стыдливости, чтобы затем равнодушно, как негодную ветошь, бросить кроткую красавицу?

– Никогда! – вслух крикнул Гиш в ответ на свои мысли.

Однако, как ни был он искренне потрясен, он тут же сам улыбнулся своей горячности. Почему все это так взволновало его? Уж не полюбил ли он Лавальер? Уж не попался ли в сети бога Амура он, доселе с удивительным, беспечным искусством заманивавший в эти сети других?

Гиш глубоко задумался. Нет, он не мог сказать, что уже полюбил Луизу. Но во всяком случае что-то нежное, сердечное пробуждалось в его душе каждый раз, когда он встречался с девушкой. Ни одна женщина до сих пор не пробуждала в его сердце таких струн. Были красавицы, заставлявшие все его существо загораться необузданной страстью и жадной обладания; были кокетки, домогательство которых явилось для Гиша тонким и красивым поединком, где враг побивает его же оружием; были надменные, холодные, недоступные, которых крайне отраднo было смирить, принизить, заставить почувствовать власть и силу истинного мужчины; были, наконец, просто знатные, значительно превышавшие самого Гиша рангом и положением, казавшиеся ему завидным призом, достойным честолюбивых стремлений признанного донжуана. Но таких, которые, подобно де Лавальер, пробуждали бы в сердце Армана что-то похожее

¹² То есть королевы Марии Терезии.

на детскую, невинную молитву, – нет, таких не встречал еще на своем пути холодный, избалованный красавец!

И сама Луиза, казалось, не оставалась равнодушной к Арману. При встречах с ним она мило розовела и ее взор вспыхивал искренним удовольствием: ведь простодушная провинциалочка не научилась еще выражать холодность там, где сердце загоралось радостью, как не умела вообще притворяться. И Гишу невольно вспомнилась при этом Олимпия Манчини, графиня де Суассон, некогда отвергнутая Людовиком Четырнадцатым племянница всесильного Мазарини, а ныне последняя жертва непобедимого графа де Гиша.

Но не в пользу Олимпии было это сопоставление, и Арман поспешил прогнать образ необузданной, мстительной, злобной, распущенной итальянки, чтобы снова задуматься о Луизе де Лавальер и грозящей ей опасности.

Теперь Гиш уже твердо решил, что ни в коем случае не допустит осуществления планов герцога Орлеанского. Наоборот, эти планы должны с треском провалиться. Тогда можно будет рассчитывать на возобновление дружбы короля, на усиление расположения Генриетты и... Ну добиться Луизы, которая добровольно, конечно, не кинется в объятия герцога, будет уже не так легко посрамленному Филиппу!

Но решить было мало, надо было осуществить это решение.

Между тем Филипп ни на минуту не отпускал от себя Гиша, а среди окружавших не было ни одного человека, на которого Арман мог бы положиться. В надежде на то, что счастливый случай непременно подвернется, Гиш под всякими предлогами затягивал обратный путь в Париж, однажды даже незаметно подрезал поджилки у лошадей и безбожно спаивал герцога. Но, как медленно ни шло возвращенье, расстояние до Парижа сокращалось с каждым днем, а удобный случай предупредить Генриетту все не представлялся. Гиш уже начинал отчаиваться, как вдруг в нескольких лье от Рамбулье судьба столкнула его с Ренэ Бретвилем, маркизом де Тарб, герцогом д'Арк.

Настроение Гиша немедленно же поднялось. На каждой остановке в условленных местах он находил какой-нибудь знак, свидетельствовавший о том, что юный маркиз благополучно проследовал здесь. Но самое реальное, хотя далеко и не предусмотренное, доказательство благополучного следования Бретвиля было обнаружено Гишем в Севре, то есть на расстоянии какого-нибудь лье от парижских укреплений: здесь, в гостинице «Две короны», лежал раненый маркиз де Вард; он был послан Олимпией де Суассон навстречу герцогу Филиппу с целью предупредить его, дабы он не терял удобного случая застать этой ночью свою жену на месте преступления и не мешкал долее. Конечно, все это было изложено Олимпией письменно в виде условных знаков, но Вард был предупрежден о важности и ответственности своего поручения. На свою беду он вздумал подшутить над несуразным видом проезжего дворянина, костюм которого слишком мало отвечал требованиям моды. Тогда этот дворянин, сделав весьма грациозный поклон, отрекомендовался герцогом д'Арком и потребовал от маркиза, чтобы тот или извинился, или немедленно дал удовлетворение. Вард, отлично владевший шпагой, был уверен, что на славу проучит гасконского петушка. Но не тут-то было! Его противник, извинившись в весьма изысканных выражениях, что недостаток времени не позволяет ему продлить эту забаву, через минуту-другую ловким финтом ранил Барда в правое предплечье и этим положил конец бою.

Выслушав этот рассказ, Гиш внутренне усмехнулся. Что за пылкий забияка был этот южанин Бретвиль! Каких-нибудь два десятка лье отделяли Рамбулье от Парижа, и на этом кратком пути неукротимый д'Арк оставил яркий след всяких происшествий, до поединка включительно! Нет, такому петушку нельзя давать ответственные поручения: ну, не повези ему в схватке с Бардом, и все пропало бы!

Но уроку, полученному Бардом от Бретвиля, Гиш был внутренне очень рад. Прежде всего для Армана не было тайной, что Вард делил с ним, Гишем, расположение графини де Суассон.

Прекрасная Олимпия не вполне полагалась на Гиша, зная его дружбу с королем. В затеянных против последнего интригах мстительная итальянка пользовалась другим из своих многочисленных возлюбленных, и этим другим был маркиз де Вард. Конечно, Гиш был далек от ревности – разве таких, как Олимпия Манчини, ревнуют! Но недоброжелательство было, и потому Арман втайне радовался, что Вард получил такой хороший урок.

Зато герцог Филипп пришел в неистовство. Вард считался состоящим в его свите, и Филипп клялся всеми святыми, что разыщет дерзкого обидчика и заставит его жестоко поплатиться. Гиш с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться в лицо герцогу Орлеанскому при такой вопиющей нелогичности. Но и то сказать, от такого ли недоумка требовать еще логичности?

В Севре они пробыли до позднего вечера. Как ни нетерпеливо рвался Филипп последним решительным движением захлопнуть подстроенную им ловушку, все же для успеха плана было необходимо не появиться на поле действия слишком рано. И вот Филипп опять засел за вино, подвинчивая себя хвастливыми угрозами. Только с наступлением ночи «карательная экспедиция» тронулась в путь. Уезжая, герцог Орлеанский еще раз поклялся Варду, неопасная рана которого была весьма мучительна, что обидчик понесет суровую кару, и строго-настрого приказал, чтобы на следующее утро ему прислали сказать, как провел раненый ночь и можно ли без ущерба перевезти его в Париж.

V

Скандал разыгрался полный, такой, какого вероятно, не помнили стены Пале-Рояля с самого своего возникновения. Много мрачных трагедий, поэтических романов, сентиментальных драм разыгрывалось порой в недрах семьи французских королей, однако, чтобы принц крови, королевский брат и муж королевской сестры, оказался героем самой пошлой, безвкусной ярмарочной арлекинады – нет, такого случая не знали стены не только молодого Пале-Рояля, но и старого Лувра!

Прежде всего герцог Филипп унизился до предварительного опроса прислуги и стражи. Словно сговорившись, все показали, что под вечер у ее высочества был какой-то неизвестный им дворянин, скрывший черты своего лица под маской. Однако о том, когда ушел гость, да и ушел ли он вообще, никто сказать не мог.

Тогда, взяв с собою Гиша, еще нескольких приближенных, которые не могли отклонить от себя опасную честь сопровождать герцогу Филиппу, нескольких солдат и лакеев, полупьяный ревнивец осторожно подкрался к дверям своей супруги Генриетты и прислушался. Да, Генриетта была не одна; Филипп ясно слышал ее тихий, воркующий смех... вот звякнул хрусталь бокалов, послышался заглушённый звук поцелуев. Не помня себя от ярости, Филипп бешено постучал в дверь спальни жены.

В ответ послышался слабый, испуганный вскрик, а затем, после томительной паузы, голос Генриетты произнес:

– Кто там?

– Это я, Филипп, откройте! – грубо ответил герцог.

– Что за новости вламываться ко мне так поздно! – воскликнул возмущенный голос – Вы пьяны, ваше высочество! Протрезвитесь сначала!

– Мне нужно сказать вам нечто важное...

– Для этого найдется время завтра утром!

– Я не могу ждать до утра!

– А я не могу впустить вас: я не одета!

– Гще раз говорю вам: откройте или вам будет плохо!

– А я еще раз говорю вам: идите спать и протрезвитесь или вам не сдобровать!

Филипп бешено заскрипел зубами и забарабанил в дверь кулаками с криком:

– Откройте, подлая распутница, или я прикажу взломать двери!

– Фу, что за пьяный идиот! – последовал категорический ответ.

Тогда, не видя ничего в своей ярости, не замечая, с каким возмущением переглядываются придворные, шокированные такой грубой руганью, как пересмеиваются солдаты и лакеи, Филипп приказал взломать дверь. Под сильными и четкими ударами алебард дверь подалась, и герцог, повелительно скомандовав: «Все за мной!» – вломился в спальню.

При тусклом освещении масляной лампы он увидел стол, накрытый на два прибора. В одном из кресел в надменной, небрежной позе сидела Генриетта, одетая в легкий ночной капот. Компаньон, разделявший с герцогиней это позднее пиршество, при появлении герцога вскочил с другого кресла и с легким криком забился в складки оконной гардины. Филипп с злорадным хохотом кинулся к окну и грубо вытащил из-за гардины отбивавшегося соперника, но тут же отскочил назад и остолбенел в позе воплощенного изумления и недоумения: пред ним была... де Воклюз!

Девушка тоже была в ночном туалете, еще более откровенном, чем Генриетта. Но, конечно, не это так смутило Филиппа: когда-то он видал де Воклюз во всяких видах. Только он уж очень не ожидал встретить Генриетту в столь не компрометирующей обстановке. Мысль, что он непременно застанет жену в объятьях возлюбленного, превратилась у Филиппа в навязчивую идею. Что этим возлюбленным должен оказаться Людовик, в последние минуты уже не казалось Филиппу вполне несомненным. Наоборот, ему пришло в голову, что дружкой Генриетты окажется кто-нибудь другой, и эта мысль пришла ему особенно по вкусу. О, если бы это было так! Тогда в короле он нашел бы первейшего союзника, и гордая Генриетта была бы унижена до последней степени. Но, как это всегда бывает с навязчивыми идеями, Филиппу даже в голову не приходило, что возлюбленного может и не быть совсем или может просто не оказаться в тот момент, когда он, герцог, явится на защиту своих супружеских прав. И вот это-то и повергло его в такое остолбенение.

Однако Генриетта не дала неловкой, томительной паузе затянуться слишком долго.

– Вон все отсюда! – крикнула она, с бешенством топнув ногой, и затем, словно дикая кошка накинувшись на несчастного супруга, принялась осыпать его градом хлестких пощечин.

Филипп в своей растерянности даже не подумал защищаться; он только втягивал голову в плечи, стараясь как-нибудь увернуться от сильных и метких ударов взбешенной супруги. Тем не менее удары непрестанно попадали в цель. Спасение было только в бегстве, и вот ему-то и предался позорно герцог, во главе им же самим приготовленных свидетелей своего позора.

Последним вышел Гиш. Генриетта успела шепнуть, ему: «Через полчаса!», – а затем с силой хлопнула поврежденной, разломанной дверью.

Между тем герцог Орлеанский со всей своей растерянной, смущенной, пересмеивающейся свитой, не помня себя, вбежал в какую-то гостиную и тут без сил упал в кресло. В зависимости от ранга и положения разместились вокруг него свидетели его позора. Ближе стали двое высших чинов двора, затем – несколько придворных дворян, за ними – толстый мажордом, окруженный слугами; позади, опираясь на алебарды, стали солдаты.

Прошло несколько секунд в неприятном молчании.

Наконец герцог заговорил:

– Ступайте, друзья мои, вы больше не нужны, но я твердо рассчитываю на то, что никто из вас, от большого до самого маленького, не проронит ни слова о том, чему вы сейчас были свидетелями. Мало ли что случается в семье. Женщины – всегда женщины, а мужья – всегда мужья! – и, разразившись этой «истиной ла Палисса»,¹³ Филипп еще раз повторил: – Ступайте, друзья мои! – а затем, откинувшись в кресле, закрыл лицо руками.

---

¹³ Жак де Шабан, синьор де ла Палисс, – знаменитый французский полководец, убитый в битве при Павии в 1525 г. В

Все поспешно двинулись из гостиной.

Сзади всех шел Гиш. Однако его вдруг остановил скорбный возглас:

– Как, Гиш, и ты оставляешь меня?

– Но, ваше высочество, – ответил Арман, – вы сами отпустили всех нас!

– Да, но разве это может относиться к тебе?

– Уж не знаю, ваше высочество, относится ли ко мне это, но, что я нуждаюсь в отдыхе, это я знаю наверное!

– Гиш, Гиш! Я переживаю такие тяжелые минуты, а ты заботаешься о своем отдыхе? Неблагодарный!

– Неблагодарный? А за что мне быть благодарным вашему высочеству? Уж не за то ли, что из-за вас я поставлен теперь в невыносимое, смешное, дьявольски скверное положение? А я ведь уговаривал вас, доказывал всю несостоятельность замышленного плана! Но вам угодно было из пустого княжеского каприза настоять на своем! Ну, так не за это ли мне быть благодарным вам? Нет, ваше высочество, благодарю и за дружбу, и за службу! Моя служба продолжалась только неделю, но... долее она не продлится ни дня! Граф де Гиш имеет слишком длинную родословную, чтобы по обязанностям службы вламываться в спальню беззащитных женщин! Честь имею кланяться вашему высочеству!

Арман церемонно поклонился и пошел к дверям. Но у порога его остановил робкий вопрос герцога:

– Скажи по крайней мере, как ты думаешь, пожалуется Генриетта королю или нет?

Гиш остановился, с нескрываемым презрением окинул герцога с ног до головы и небрежно ответил:

– Не думаю, ваше высочество! Ведь герцогиня доказала, что и сама отлично может заступаться за себя! Да и к чему ей искать заступничества у короля? Разве его величество может наказать вас сильнее, чем то сделала ее высочество? Помилуй бог! Отхлестать герцога Орлеанского по щекам в присутствии друзей, придворных, слуг и солдат! Нет, такое наказание король все равно не мог бы придумать!

– Я и сам думаю, что Генриетта не стала жаловаться, – задумчиво отозвался Филипп. – Но... ах, знать бы это наверное! Господа, я в таком невыгодном положении! Я не знаю, чего держаться, как мне быть!

Гиш пожал плечами и хотел уйти не отвечая. Вдруг у него блеснула злобная мысль. Снова остановившись, он сказал с самым невинным видом:

– Так что же, ваше высочество, если вам нужно только приобрести уверенность... У вас имеется отличный предлог: завтра побывайте у короля и пожалуйте на дерзкого, осмелившегося ранить маркиза де Варда!

– А если король сам накинется на меня с упреками?

– Ну, так вы с полным достоинством ответите ему что это – ваше частное, семейное дело!

– Ты совершенно прав, милый мой Гиш! – воскликнул обрадованный герцог. – Вот так я ему и скажу непременно окажу! Спасибо тебе, милый Гиш, ты...

Но граф Арман, не слушая дальше, пустился в поспешное бегство, едва удерживаясь от смеха.

– Ну, что же вы это натворили, злодей вы этакий? – весело спросил Гиш, входя на следующее утро в комнату, отведенную Ренэ Бретвилю.

его честь солдаты сложили песенку, в которой имеются следующие строки: «За четверть часа до своей смерти он был еще жив». Они хотели выразить этим, что ла Палисс сражался до тех пор, пока окончательно не иссякли силы, что для храброго полководца «жить» отождествлялось с «сражаться». Однако с течением времени истинный смысл этих строк был забыт и их стали применять в качестве образца наивности, самой по себе понятной истины. Отсюда происходит французское выражение «истина ла Палисса».

– А что? – испуганно спросил юноша. – Разве что-нибудь вышло не так? Прекрасная незнакомка осталась не предупрежденной?

– Нет, с этой стороны все обошлось прекрасно, но... Ах, друг мой, друг мой! Плохое начало придворной карьеры – наживать себе с первых шагов могущественных врагов. А ведь маркиз де Вард – далеко не последний дворянин при дворе!

– Дорогой граф, – надменно, медленно ответил Ренэ, – я предпочту покончить свои дни в Бастилии или опять вернуться в Бретвиль есть одни бобы с солью, чем допустить, чтобы на незапятнанное имя моих предков легла хоть малейшая тень неотомщенного оскорбления.

– Ну, так вам только и дела будет в Париже, как вечно ограждать свою честь! Парижане любят позубоскалить, и в таком случае меткий ответ, право же, действеннее шпаги. Но если вы не можете сдержаться, то попомните хоть на будущее время, черт возьми, что убить в тысячу раз безопаснее, чем только ранить!

– Ну, по отношению к маркизу де Варду я не мог бы приложить это мудрое правило! Беззащитных не убивают, им только дают хороший урок!

– Беззащитных? Да ведь у вас был честный бой, правильная дуэль?

– Ну, если вы это называете дуэлью! – тоном совершенно непередаваемого пренебрежения отозвался Бретвиль. – По-моему, человек, не умеющий держать шпагу в руках, совершенно беззащитен против такого мастера, как я! Дуэль, поединок! Да ведь после этого можно говорить о сражении льва с цыпленком!

Гиш невольно расхохотался над этим смешением наивности, благородства и чисто гасконской хвастливости, ярко прорывавшимися в каждом слове юного герцога. Конечно, Ренэ не упустил случая вспыхнуть и высокомерно заметить, что если граф де Гиш сомневается в его искусстве, то он готов хоть сейчас...

– Полно, полно, мой задорный гасконский петушок! – ласково сказал Арман, похлопывая горячего юношу по плечу – Для этого у нас еще найдется время; как-нибудь я с удовольствием пофехтую с вами.

– И я держу пари на один день¹⁴ против тысячи ливров,¹⁵ что не дам вам ни разу даже тронуть меня! – тут же отозвался Ренэ.

– Хорошо, там увидим! Но теперь не время – нас ведь ждет... – «король», чуть не сказал Арман, однако вовремя вспомнив предупреждение Генриетты, поспешно договорил: – Мсье Луи!

– Мсье Луи? – повторил Ренэ. – Гм... А как вы думаете, милый граф, это – действительно полезная и не компрометирующая протекция?

– Как вам сказать? – ответил Гиш, – конечно, бывало не раз, что люди, очень полагавшиеся на мсье Луи, жестоко ошибались в своих расчетах, но думаю, что в настоящем положении для вас едва ли кто-нибудь сделает больше, чем он.

* * *

Оставив Ренэ в приемной, Гиш, следуя приглашению Лапорта, старого доверенного камердинера Людовика, вошел в кабинет короля и с волнением стал ожидать появления Людовика – ведь от их свидания зависело так много! Ничего того, что так дорого было хищной стае, роившейся вокруг трона, не нужно было графу Арману. Он был слишком знатен и слишком богат, чтобы королевская милость могла что-нибудь прибавить к его имени или состоянию.

---

¹⁴ Старая французская монета, составлявшая двенадцатую часть су, то есть одну двести сороковую франка. Обычно употреблялась, подобно русскому «грош – цена», в качестве презрительного обозначения чего-то по сумме крайне ничтожного.

¹⁵ Старинная монета, ценность которой подвергалась существенным колебаниям в зависимости от времени и места, так как по существу это было стоимостью фунта серебра. Приблизительно ливр можно приравнять к теперешнему франку.

Но, придворный по рождению и привычкам, Гиш чувствовал себя вне придворной жизни, вне влияния и крупной роли при самом короле, как рыба, вытасченная на берег. И теперь свидание с Людовиком должно было показать ему, ошибся ли он или нет, рассчитывая изменой Филиппу вернуть утерянную дружбу короля.

Вскоре на пороге появился Людовик, и его вид сразу переполнил сердце Гиша радостной надеждой.

– Здравствуй, милый Гиш, – сказал король, ласково протягивая руку Арману. – Рад видеть тебя!

– О, ваше величество! – с волнением проговорил Гиш, опускаясь на одно колено и прикладывая к королевской руке.

Людовик, тронутый искренним волнением Гиша, попытался приподнять его, но граф, покрывая его руку бесчисленными лобзаниями, продолжал:

– О, ваше величество! Как тяжело мне было это время от сознания, что милость моего короля отвернулась от меня!

– Встань, встань, милый Гиш! – настойчиво сказал король, приподнимая друга своего детства с пола. – Сядем вот здесь, – он подвел Армана к паре кресел, – и поговорим! Что было, то прошло! У каждого из нас бывают свои дурные минуты, настроения, даже капризы. Ну, да я уже сказал: что было, то прошло!

А теперь расскажи мне лучше, что натворил вчера вечером мой милейший братец?

Гиш рассказал королю все подробности вчерашнего «имбролио»,¹⁶ отнюдь не щадя герцога Филиппа и не скрывая того яркого оттенка глубокой безвкусицы, который получила скандальная история «уличения неверной жены».

– Нет! – вскрикнул Людовик, и глубокая морщина недовольства залегла между его бровей. – Филипп положительно компрометирует свое положение ближайшего члена королевской семьи! Что за черт в самом деле. Какой-нибудь мелкопоместный дворянин сумел бы с большей честью выйти из подобного положения, а этот недоумок добровольно рядится в лохмотья ярмарочного шута! – Он задумался, потом засмеялся и прибавил: – А все-таки хотел бы я видеть физиономию милейшего братца!

– Желание вашего величества легко исполнить! – ответил Гиш. – Его высочество собирается навестить сегодня ваше величество, чтобы требовать заступничества за маркиза де Вард! – и граф, давась от душившего его хохота, рассказал то, что уже известно читателю по предыдущему.

– Гиш, да ты шутишь! – в полном изумлении воскликнул Людовик. – Неужели Филипп серьезно собирается основывать свою претензию на том, что дуэли запрещены? Да ведь в таком случае я должен первым делом посадить в Бастилию именно Варда, а не этого петушка! Пусть ранен Вард, но ведь, во-первых, он был зачинщиком ссоры, во-вторых, ему, парижанину и придворному, королевские указы должны быть знакомы лучше, чем провинциалу! Тем не менее это прекрасно складывается! Визит Филиппа даст мне возможность поговорить с ним на тему о вчерашнем скандале. – Людовик снова задумался в воскликнул затем: – Но этот гасконский герцог! Господи, что за забавный тип! Право, Гиш, во всей этой истории самое лучшее – то, что тебе удалось откопать такого занимательного чудака! Ты привел его с собой?

– Он ожидает в приемной, ваше величество! Однако осмелюсь заметить, что герцог д'Арк последовал за мной сюда не без оговорок. Он хотел сначала получить уверенность, не скомпрометирует ли его протекция «мсье Луи»!

Король расхохотался и сказал:

---

¹⁶ Театральная пьеса с запутанной донельзя интригой, родоначальница нынешнего фарса. Когда-то имбролио было излюбленным жанром площадных (бродячих) актеров, которые импровизировали пьесу во время ее действия. Синоним грубого, плоского, низко-смешного происшествия с неожиданным результатом.

– Ну, так приведи его сюда! Скажи ему, что мсье Луи оказался настолько влиятельной особой, что сразу устроил ему прием у самого короля!

* * *

– Ну, вот видите, как вам повезло! – оказал Гиш, входя в приемную, где ждал его Ренэ. – Каков мсье Луи! Он сразу устроил вам прием у самого короля, и сейчас вы будете иметь счастье предстать пред глаза его величества! Пойдем!

Не без волнения последовал Ренэ за графом в кабинет короля Людовика. В то же время он старался представить себе те слова, с которыми может обратиться к нему король, и мысленно повторял воображаемые ответы, составленные в виде искусных, цветистых фраз.

Однако весь заготовленный багаж сразу выскочил у него из головы при виде смеющегося лица того, кто накануне так предательски назвался «мсье Луи» и которого теперь граф де Гиш так почтительно титуловал «ваше величество»!

– А, здравствуйте, милый герцог! – приветливо встретил Ренэ мнимый мсье Луи. – Надеюсь, что сегодня я буду в состоянии дать вам успокоительные сведения относительно своей генеалогии, и вы не откажетесь дружески побеседовать со мной!

Все смешалось, все закружилось при этих словах в голове Ренэ, которого охватили самые противоречивые чувства.

Он сразу понял, кого и о чем предупреждало таинственное поручение, взятое им на себя накануне. С одной стороны – он радовался, что немаловажная услуга, оказанная самому королю, облегчает ему ту карьеру, ради которой он прибыл в Париж, а с другой же – сознавал всю опасность быть посвященным в слишком интимные тайны королевского двора. Вместе с тем он вспоминал еще все свое смешное, заносчивое обращение с мнимым мсье Луи, а потому, потрясенный до глубины души, бросился на колени и, чуть не плача, крикнул:

– Боже мой!.. Ваше величество, ваше величество. Да как же я не сообразил, не догадался сам! Что я только наболтал вчера?! О, простите, простите, ваше величество!

– Встаньте и успокойтесь, милый герцог! – сказал Людовик, подходя к юноше и похлопывая его по плечу. – Вам не в чем извиняться и не в чем раскаиваться. Хотя ваш юный задор слишком отзывает провинциализмом, да еще гасконским, но вы ярко доказали вчера, как сильно развиты в вас чувство чести, преданность вашему королю и как дорожите вы чистотой и незапятнанностью своего имени. Это очень дорого теперь, когда рыцарские традиции гложут и вянут в нашей аристократии. Такие люди, как вы, нужны трону! Так встаньте же! Однако я голоден, господа! Надеюсь, что вы тоже с удовольствием позавтракаете. Приглашаю вас обоих разделить мою трапезу! За едой да за кубком вина смущение и неловкость скорее рассеются! Милый Гиш, распорядись, чтобы нам накрыли... только не здесь, а лучше рядом, в маленькой гостиной!

Через несколько минут все трое уже сидели за столом. Людовик был так весел, прост и мил, так очарователен в роли любезного хозяина, угощающего друзей, что Ренэ Бретвиль быстро отделался от первоначального смущения и выказал себя приятным собеседником и застольным товарищем.

В промежутках между тем или иным кушаньем Ренэ, по просьбе Людовика, показал несколько фокусов, в которых зрители не знали, чему более удивиться: ловкости Ренэ или изумительной твердости стали его шпаги. Так, например, Ренэ подбрасывал монетку и пригвождал ее ударом шпаги к стене. Затем он пофехтовал немного с Гишем и доказал, что не напрасно хвастал своим мастерским умением владеть оружием: за две минуты он три раза выбил у графа оружие из рук, а Гиш ведь был признанным мастером шпаги! В заключение юноша разошелся до того, что даже рассказал несколько гасконских анекдотов, заставивших Людовика и Гиша

от души посмеяться. Словом, к концу завтрака юноша окончательно расположил к себе влиятельных собутыльников.

Когда голод был окончательно утолен и место сытных блюд заняли фрукты и сласти, Людовик сказал, чокаясь с Гишем и Бретвилем каким-то фантастическим ликером, изготовленным и преподнесенным ему монахами:

– Ну, а теперь поговорим о деле. Итак, милый герцог, вы прибыли в Париж искать счастья. Ну, что же! Вы имеете все права на это счастье! Вы умны, воспитанны, хорошо владеете оружием, отважны и происходите из... Кстати, повторите-ка мне свое звучное, длинное имя!

– Ренэ Бретвиль, маркиз де Тарб, герцог д'Арк, к услугам вашего величества!

– Отличное имя, клянусь Богом! Однако... вот что меня удивляет: имя Бретвилей мне как будто знакомо, но о герцогах д'Арках я, хоть убей, ничего на могу вспомнить!

– Да... тут есть одно обстоятельство, ваше величество! Сан герцога д'Арка был действительно пожалован моему деду, только... официальных патентов дед вследствие своей неловкости так и не получил!..

– Как же это случилось?

– Уж не знаю, как и рассказать это вашему величеству! Дед отличался солдатской откровенностью и слишком резко высказался об особе, близкой по крови вашему величеству!

– Друг мой, да меня ведь тогда не было на свете! Если не ошибаюсь, вы упоминали что-то о сражении короля Генриха с герцогом Майеннским, а это было в тысяча пятьсот восемьдесят девятом году, тогда как я родился почти через полсотни лет после этого!

– Дело касалось августейшей бабки вашего величества...

– Королевы Марии Медичи? Друг мой, в таком случае я уже заранее начинаю уважать вашего деда, и вы можете смело повторить мне его слова! Королева Мария достаточно насолила и моему отцу, и Франции, чтобы ее имя не вызывало во мне особого благоговения... в тесном дружеском кругу хотя бы!

– В таком случае... если такова воля вашего величества! Надо вам сказать, что мой дед был большим другом вашего деда, короля Генриха Четвертого...

– Желаю того же и для внуков! – любезно произнес Людовик, приподнимая в знак тоста рюмочку с ликером.

VI

– Крепин Бретвиль, сын престарелого маркиза де Тарба, – начал свой рассказ Ренэ, – был в числе молодых гасконцев, сопровождавших юного Генриха Наваррского ко двору короля Карла Девятого, на сестре которого, прекрасной Маргарите, он должен был жениться. Генрих Наваррский очень любил Крепина и всегда советовался с ним в серьезных случаях. Но нередко бывало, что он сердился на Крепина и грозил отослать его обратно в Наварру. Это происходило в тех случаях, когда Генрих задумывал какое-нибудь забавное приключение или новую любовную интригу а мой дед категорически отказывался принять в этом участие и раздражался суровой проповедью...

– Что делало его ужасно неудобным, знаю по личному опыту! – со вздохом отозвался Людовик.

– Тем не менее, – продолжал Ренэ, – Крепин остался при короле и пережил с ним все тяжелые эпизоды – Варфоломеевскую ночь, бегство из Парижа (1576 г.); затем он сражался с королем бок обок при Кутра (1587 г.), осаждал вместе с ним Париж и в 1589 году был чуть ли не главным виновником победы при Арке. О последнем эпизоде дед всегда рассказывал очень кратко: он был скуп на похвалы себе. Но и из его краткого рассказа можно было вывести, что Крепин де Бретвиль, тогда уже маркиз де Тарб, совершил немалое геройство: заметив обходное движение, предпринятое врагом против слабо защищенного крыла армии короля Генриха, мой

дед с десятком всадников кинулся наперерез, и хотя пал, пронзенный десятком смертельных ран, но успел задержать врага и дал Генриху возможность принять нужные меры и выиграть сражение.

Деда замертво унесли в его палатку. Однако могучий организм взял свое, и герой Арка выжил. Перед тем как выяснилась возможность отправить моего деда на родину для окончательного излечения, Генрих Четвертый со слезами обнял его, опоясал своей шпагой – вот этой самой – и пожаловал саном герцога д'Арка. Тут их дороги на время разошлись: у короля Генриха было много хлопот с утверждением своего трона, а деду пришлось долго лечиться, надо было приводить в порядок имущественные дела, а затем он задумал жениться.

Прошло лет семь-восемь; у деда уже был двухлетний мальчишка, которому надлежало поддержать имя и честь рода Бретвилей, а дела шли все хуже. Несколько неурожаев прибавили немало бед, уже внесенных гражданскими неурядицами прошлых лет. Дед совсем решил было ехать к королю Генриху и напомнить о себе, как вдруг пришло известие, которое взволновало и даже ошеломило деда: воспользовавшись тем, что власть короля начинала окончательно уставляться, Генрих задумал развестись с королевой Маргаритой и стал присматривать себе другую невесту!

Дед всегда был страстным поклонником королевы Маргариты. Он говорил, что никогда не встречал более обаятельной, умной и сердечной женщины. Конечно, он не закрывал глаза на ее недостатки. О том, что королева Маргарита меняет друзей как перчатки, открыто говорила вся Франция. Но в этом деле винили исключительно короля Генриха. И в период сватовства, и даже в первые дни медового месяца, не говоря уже о дальнейших годах, король открыто изменял супружескому долгу. А между тем дед утверждал, что королева Маргарита на первых порах искренне любила красавца Генриха и, не оскорби он ее священнейших чувств, была бы верна ему. Виноват был король еще в том, что не только закрывал глаза на интрижки своей супруги, но даже поощрял их, пока... пока Маргарита была ему нужна. Затем, когда важная ступенька к трону французских королей была уже пройдена, король Генрих решил отбросить свою супругу как негодную ветошь! Прежде он вполне мирился с интимной жизнью жены, а теперь хотел построить развод именно на том, что сам поощрял! Может быть, это было очень тонко в политическом смысле, но Бретвиле всегда были солдатами, а не политиками.

Дед помирился бы еще, если бы король Генрих задумал развестись с Маргаритой для того, чтобы жениться на прекрасной Коризанде. Ведь эта святая женщина бескорыстно любила короля и положила к его ногам все свое состояние, без которого Генриху Наваррскому никогда не сделаться бы французским королем, Генрихом Четвертым. Этот брак имел бы полное оправдание, потому что король не только клялся сделать графиню де Гиш своей женой и королевой, но даже выдал ей клятвенную расписку, написанную собственной кровью. Однако нет! Утвердив свою власть, король Генрих забыл все прежнее. Две женщины помогли ему овладеть французской короной: одна – Маргарита Валуа – предоставила ему всю свою недюжинную государственную мудрость, весь свой вес и влияние в качестве дочери королей, последней представительницы угасшего рода Валуа, другая – Коризанда – пожертвовала для него всем состоянием. И обеих отбрасывал теперь король!

Дед остался в своем Бретвиле. Но у него нашлись друзья, которые напомнили королю о виновнике победы при Арке. И вот в тысяча шестисотом году дед получил собственноручное письмо короля, гласившее:

«Приезжай, мой старый боевой товарищ, в Париж, чтобы ты мог поздравить Нас со вступлением в брак и чтобы Мы могли формальным чествованием герцогского сана отметить заслуги перед троном и отечеством победителя при Арке».

Прочитав это письмо, дед неодобрительно покачал головой. Правда, в письме еще чувствовалась прежняя непринужденность, но наряду с этим уже ярко сказывалось желание сразу проложить границу между собой и друзьями прежних тяжелых лет, – границу, которой и без

того никто не забывал! И дед невольно вспомнил письмо, написанное Генрихом после сражения при Арке Крильону и обошедшее в списках всех старых приверженцев наваррского короля. Письмо это было немногословно:

«Повесься, храбрый Крильон, мы победили при Арке, а тебя с нами не было».

Всего только одиннадцать лет тому назад было написано это письмо, а как разлилось оно по непринужденному тону с письмом, полученным тем самым, из-за храбрости которого должен был повеситься герой Крильон!

Тем не менее дед, разумеется, стал собираться в Париж: не последовать такому прямому приглашению было невозможно. Как осторожный человек, он приказал вделать письмо короля в рамку, так как в этом клочке бумажки заключалось признание за ним лично права на герцогский титул. Затем надо было приняться за сборы. Дед не хотел прибыть оборвышем на свадьбу своего короля, а потому ему пришлось кое-что продать и позаложить. Это задержало деда, и, как он ни гнал, на самое празднование свадьбы он опоздал.

Дед прибыл в Париж поздно вечером и остановился у одного из старых боевых товарищей. За стаканом вина бывшие соратники разговорились, и вот тут-то мой дед узнал много неприятного про новую королеву. Мария Медичи была не так уже молода (ей шел двадцать восьмой год). Она очевидно «засиделась», была зла, горда и... Ну, из песни слова не выкинешь! Не умна была она от рождения, это в один голос твердили и дед, и отец!

Старые приверженцы короля Генриха были в былое время избалованы лаской и приветливостью королевы Маргариты. Тем оскорбительнее казалась им пренебрежительная надменность обращения королевы Марии, еще более оттеняемая явным покровительством итальянскому сброду, целой стаей налетевшему за ней из ее родной Флоренции. На короля в этом отношении надежда была плоха – он ведь всегда увлекался свежинкой и чувствовал себя искренне влюбленным в молодую жену. Конечно, это продолжалось недолго, но в то время это как раз было так.

На следующее утро дед явился к королю. Генрих принял его в официальной аудиенции и торжественно приветствовал его словами:

– Добро пожаловать, герцог д'Арк!

Это было сказано очень торжественно, официально и даже напыщенно.

Но тут же король вдруг отбросил всякую торжественность, подбежал к деду, хлопнул его по плечу и укоризненно сказал:

– Не мог ты, старая свинья, поспеть к моей свадьбе?

Дед откровенно рассказал королю, что его задержало; Генрих растрогался, обнял его, обещал ему поместья и ренту, соответствующую герцогскому достоинству, а потом повел представлять королеву. Мария Медичи обошлась с моим дедом более чем холодно и пренебрежительно. Вечером был бал, во время которого королева еще более оттенила свое презрение к боевым товарищам мужа и французской аристократии. Дед готов был уехать сейчас же на родину, но вопрос о поместьях и ренте еще не получил категорического разрешения, а ведь на родине у деда были молодая жена, маленький сын и... разоренное имение! И он решил потерпеть и выждать.

Случилось так, что Генрих задумал порадовать старых товарищей холостой пирушкой. И вот, на беду король, уже немало выпивший, пристал к деду с тем, чтобы тот высказал ему свое мнение относительно молодой королевы. И на что это только ему нужно было, право!

Дед попытался увернуться от прямого ответа, отделялся ничего не значащими фразами, вроде того что, дескать, всякий истинный верноподданный с глубочайшим уважением преклонит колени перед женщиной, которой король вручил корону, но Генрих Четвертый, почему-то уверенный, что Мария Медичи должна всех приводить в восторг, потребовал, чтобы дед высказал свое мнение прямо и без всяких отговорок, как надлежит честному солдату. К

тому же король еще подтрунил над тем, что с годами дед разучился прежней прямоте. У моего деда и без того накипело на сердце, да и выпито было немало, и он воскликнул:

– Ну, что же, ваше величество, раз вы этого требуете, так я должен высказать свое мнение начистоту! Только не взъщитесь, я – солдат, тонкостей языка не знаю!

– Говори, говори, не бойся, старый товарищ! – смеясь, ободрил деда король Генрих.

– Ну, так я прямо скажу вашему величеству, что вы променяли одноглазую лошадь на слепую!¹⁷ Прежняя королева, какова она ни была, все же являлась дочерью исконных французских королей и отпрыском святого Людовика, благодетеля нашей страны. К тому же она была умна и, будучи француженкой, умела ценить верноподданных, составляющих опору трона! А новая королева держит себя так, будто она не замуж за французского короля вышла, а попросту завоевала вооруженной силой всю Францию! Француз от нее доброго слова не услышит, зато итальянец, будь он хоть последним прохвостом, станет ей любезным другом. Ну, и то сказать: недаром она – Медичи! Мать королевы Маргариты тоже была Медичи, и как только это не отбило у вас охоты связываться с этим родом! Мало вы, ваше величество, натерпелись от Екатерины Медичи? Разве не чудом спасались вы от кинжала и яда ее любимчика, Ренэ Флорентинца? Впрочем, и то сказать: королева Маргарита была вам верной опорой! Ради любимого мужа и короля она пошла против родной матери, а то не сдобровать бы вам, как не избегла добрая королева Жанна, ваша матушка, отравленных перчаток! Ой, не жду я добра для Франции от новой Медичи!

Конечно, речь деда пришлась по сердцу всем старым боевым товарищам короля. Но тем более испугались они за самого деда. Уже с первых его слов воцарилась мертвая тишина, а к концу даже мертвецки пьяные протрезвились от страха.

Король Генрих выслушал слова деда, не перебивал его. Несколько раз он менялся в лице, вспыхивал, судорожно хватался за рукоятку кинжала, но к концу успокоился и сидел не двигаясь, причем ироническая улыбка не сбегала с его лица.

Кончил дед. Гробовое молчание последовало за его речью. Сколько продолжалось это молчание, дед не знал, но ему тогда казалось, что прошли целые часы, пока король Генрих заговорил:

– Эх, Крепин, Крепин! Всегда я говорил, что поп, нарекая тебе во святом крещении имя, ошибся на одну букву!¹⁸ Ну, что же, насильно мил не будешь!

Жаль мне, что не понравилась тебе моя жена, но изменить тут я ничего из могу. Придется мне выбирать между вами двумя, но, так как жену-то я отослать домой не могу, то... – король Генрих не договорил, однако смысл его слов был и без того ясен.

Затем король продолжал как ни в чем не бывало шутить и угощать своих гостей, но веселье не клеилось, и вскоре пирушка кончилась.

Было часов двенадцать ночи. Крильон,¹⁹ очень любивший деда и с обычной неустрашимостью сам всегда говоривший правду в глаза всем без исключения, увел деда к себе. Но не прошло и часа, как явился посланный короля и передал королевскую волю: маркиз де Тарб должен до восхода солнца покинуть Париж. Дед и Крильон оба подметили, что при встрече мой дед именовался «герцог д'Арк», а при проводах – «маркиз де Тарб». Но Крильон дал деду обещание, что найдет случай напомнить Генриху о подвиге маркиза де Тарба и о королевском слове, не подлежащем отмене. Он высказал твердую уверенность, что чувство справедливости восторжествует в его величестве над личным недовольством...

---

¹⁷ Французская поговорка, соответствующая русской «променять кукушку на ястреба».

¹⁸ Генрих хотел сказать, что Бретвиля следовало назвать не «Срепин», а «Сгèтин» – кретин, идиот.

¹⁹ Знаменитый французский полководец, товарищ по оружию короля Генриха Четвертого, который объявил его первым стратегом мира. Крильон был храбр не только на войне, но и в придворной жизни умел оставаться совершенно независимым и бесконечно прямым.

Однако он ошибся. Через год пришло от Крильона письмо, в котором этот истинный «рыцарь без страха и упрека» сообщал, что на попытку заговорить о герцоге д'Арке король Генрих холодно заметил, что ему «неизвестно о существовании во Франции дворян с таким именем». Сказано это было тоном, раз навсегда лишившим возможности снова заговорить об этом предмете. Однако герцог Крильон нашел способ заменить патент на сан герцога д'Арк иным путем. Он собрал у себя сподвижников сражения при Арке и предложил им составить протокол, в котором ими клятвенно подтверждаюсь, что король Генрих Четвертый после сражения при Арке возвел Крепина Бретвиля, маркиза де Тарб, в сан герцога д'Арка со всем его нисходящим потомством, с тем чтобы герцогский сан переходил лишь к старшему в роде. Протокол был составлен, подписан очевидцами и подлинность его засвидетельствована подписью и печатью герцога Крильона. Последнее было, конечно, очень важно, потому что сам Крильон не был участником аркского боя, а его имя значило больше любого патента. Однако перед подписью Крильон оговорил вдобавок, что при нем лично король Генрих, встречая маркиза де Тарба, титуловал его именно этим саном.

– Вот так и случилось, ваше величество, – закончил свой рассказ Ренэ, – что моему деду не удалось получить патента и что имя герцогов д'Арк не было внесено в геральдические книги. Тем не менее и дед, и отец, и я – мы всегда считали, что письмо короля Генриха и протокол, подписанный очевидцами, вполне удостоверяют наше право на этот титул. Королевская милость была оказана за прямые заслуги, при свидетелях и назад прямо взята не была. Пожаловано было, разжалования не было. Но из описанных мной обстоятельств становится ясно, почему ваше величество не знали о существовании герцогов д'Арков!

– Да-с, нечего сказать, ваш рассказ отлично иллюстрирует обычную королевскую неблагодарность! – задумчиво сказал Людовик. – Но как трудно королю быть всегда благодарным! Вот хотя бы взять историю вашего деда. Я всецело на стороне этого храброго, честного воина. Я искренне считаю, что трону необходимы такие слуги, умеющие безбоязненно говорить правду в лицо. Но... будь я на месте своего деда, я поступил бы совершенно так же, если только не хуже! Ну, подумайте сами! Если бы король Генрих сдержал слово и на другой день пожаловал вашему деду обещанный патент, поместья и ренту, все остальные стали бы открыто поносить жену короля, которая – как-никак – была французской королевой!

Король хотел дальше развить свое оригинальное утверждение, но в этот момент ему доложили, что его высочество Филипп Орлеанский желает видеть его величество.

Людовик приказал впустить брата.

VII

– Здравствуй, милый Филипп, рад тебя видеть! – приветливо сказал король Людовик, выходя в кабинет, где его ожидал брат. – Ну, присаживайся! Как ты поохотился?

– Не могу похвастать удачей! – мрачно ответил Филипп.

– Что же так? Или ты, может быть, гонялся за слишком крупным зверем?

Филиппу показалось, что в тоне голоса короля слышится иронический, торжествующий намек. Он резко поднял голову. Но лицо короля оставалось спокойным, только где-то глубоко, в самых уголках умных глаз, еле заметно искрилась тень насмешки.

– Извиняюсь, ваше величество, – глухо сказал Филипп, снова опуская глаза. – Я с удовольствием поговорю с вами в следующий раз на охотничьи темы, а теперь... мне нездоровится. Кроме того, я явился к вам не за тем: я пришел просить справедливости!

– И ты ее получишь! – с жаром подхватил Людовик. – В чем дело, милый Филипп? Кто тебя обидел?

– Меня лично – никто, но один из дворян моей свиты лежит, тяжело раненный дерзким авантюристом. Я имею сведения, что последний прибыл в Париж с целью искать службы при

королевском дворе. Поэтому его нетрудно найти, и я надеюсь, что ваше величество прикажете...

– По порядку, милый Филипп, по порядку! Сначала: кто – дворянин твоей свиты и кто – «дерзкий авантюрист»?

– Пострадавший – маркиз де Вард, обидчик – некто, именующий себя герцогом д'Арком.

– Так-с! Ну, а при каких обстоятельствах Вард был ранен Арком?

– Дерзкий проходимец напал на маркиза...

– Как? Так, попросту, напал и ранил? И ты был сам свидетелем этого?

– Нет, но маркиз де Вард...

– А! Ну, это – другое дело! Я уверен, что ты введен в заблуждение, милый брат! Но по счастливой случайности мы можем разобрать это дело тут же, на месте! – Людовик подошел к двери соседней комнаты и крикнул: – Герцог д'Арк, пожалуйста сюда! – и, искоса посмотрев на брата, со злорадством заметил, как вытянулось лицо Филиппа.

– Ваше величество! – испуганно и злобно заговорил последний, – мне кажется, что очная ставка между принцем крови и каким-то проходимцем совершенно недопустима уже принципиально...

– Но кто же говорит здесь об очной ставке, милый Филипп? Ты обвиняешь человека в совершении преступления, я сейчас же требую обвиненного тобой к ответу. А, вот и герцог! – перебил сам себя Людовик, когда Ренэ появился в дверях. – Герцог д'Арк, его высочество герцог Филипп Орлеанский обвиняет вас в нападении на дворянина его свиты, маркиза де Барда. Что вы можете оказать в свое оправдание?

– Ничего, ваше величество! – спокойно ответил Ренэ.

– Ничего? – повторил король, с явным недоумением глядя на юношу. – Значит, вы... сознаетесь?

– В совершении явно позорного деяния? В том, что я, герцог д'Арк, напал на проезжего как разбойник? Извините меня, ваше величество, да вам, очевидно, благоугодно шутить!

– Ну, так объяснитесь! – с нетерпением и явным неудовольствием сказал король.

– Мне легче всего будет объяснить свою мысль сравнением, ваше величество! Если бы я обвинял его высочество герцога Орлеанского в краже платка из кармана или в нечестной игре, что мог бы сказать в свое оправдание его высочество? Мне кажется – ничего. Даже больше – его высочество, не унижая себя, не мог бы вообще оправдываться! Ведь существуют обвинения, которые настолько нелепы, вздорны и неправдоподобны, что позорят не обвиняемого, а обвинителя!

– Не забывайся, хам! – крикнул бледный от гнева, давно бешено покусывавший губы, Филипп.

– За это слово вы мне ответите как дворянин дворянину! – крикнул Ренэ и ринулся вперед, наполовину обнажая шпагу.

– Тише, герцог! – спокойно сказал Людовик, но это спокойствие тона было таково, что сразу охладило и остановило пылкого гасконца. – Вы забываетесь! В присутствии короля никто не смеет сводить личные счеты, а тем более – обнажать оружие! Но и вы, ваше высочество, забылись! Как могли вы решиться произнести такое оскорбительное слово? Герцог д'Арк принадлежит к старинной французской знати, его родословная лишь немногим отстает от нашей, даже если мы возьмем главную ветвь, то есть дом Капетингов вообще!²⁰ Дед этого юного герцога оказал неоценимые услуги нашему деду, королю Генриху! Ваше высочество! После меня вы – первый дворянин во Франции! Относясь так презрительно к представителю древнего рода,

---

²⁰ Основная линия Капетингов, начавшись в 987 г., кончилась в 1328 г. Затем следовали боковые линии: Валуа, Валуа-Орлеан, Валуа-Орлеан-Ангулем и наконец Бурбоны, начавшиеся с Генриха IV и кончившиеся (считая до Революции) Людовиком Шестнадцатым.

вы унижаете всю французскую знать. Но таким образом вы прежде всего унижаете самого себя! Право, ваше высочество, я не видел бы никакого оправдания вашему поведению, если бы с самого начала не заметил, что вы находитесь в угнетенном состоянии духа. Вы, кажется, жаловались на нездоровье? Будем надеяться, что нездоровье коснулось только тела, а не духа! Ну, так постарайтесь же держать себя в надлежащих границах. Итак, вы продолжаете настаивать, что герцог д'Арк совершил противозаконное нападение на маркиза де Варда?

– Раз дуэли запрещены, – сумрачно, растерянно ответил Филипп, – значит, вызов на дуэль есть противозаконное нападение!

– А, так, значит, там состоялась дуэль! Об этом вы мне не сказали раньше! Но дуэль все-таки – не нападение!

– Герцог д'Арк принудил маркиза де Варда драться с ним!

– Простите, ваше высочество, но вы пришли требовать наказания только для герцога, если же дуэль, как я вполне согласен с вами, – преступление, то в этом преступлении повинны и герцог, и маркиз. Значит, вы хотите, чтобы я наказал герцога д'Арка и маркиза де Варда за нарушение королевского запрещения поединков?

– Я вижу, что вашему величеству во что бы то ни стало хочется оправдать герцога, – ответил Филипп, от злости сам плохо понимавший, что говорит.

– Еще раз ставлю на вид вашему высочеству, что вы забываетесь! – строго заметил Людовик.

– Извините, ваше величество, но ведь в самом деле... герцог д'Арк не будет отрицать, что вызвавшей стороной был он, а не маркиз. Значит, главной виновной стороной, вынудившей маркиза переступить закон, был герцог!

– Я не знал, что маркиза де Варда так легко вынудить совершить преступление! Значит, герцог мог вынудить Варда совершить кражу? Нет, как хотите, это – не оправдание для маркиза! А, главное, ваше высочество, вы должны были бы знать, что наш державный отец,²¹ издавая указы против дуэлей, хотел лишь ограничить дворян в их задоре, хотел лишь уменьшить количество глупых, вздорных, необоснованных стычек. Но едва ли вы сами будете отрицать, что бывают положения, когда вопрос чести иначе, как дуэлью, решить нельзя. Значит, в данном случае вы неправильно подходите к интересующему нас событию. Важно не то, кто кого вызвал на дуэль, а важно, кто своим поведением вызвал необходимость самой дуэли. Ни вас, ни меня там не было. Предоставим же слово одному из участников поединка. Герцог д'Арк, расскажите нам, как и почему произошла дуэль. Но, под страхом тягчайшей кары и моей немилости, приказываю вам дать самый добросовестный отчет о происшедшем, отнюдь не прикрывая себя и не искажая истины!

– В этом мне нет надобности, ваше величество, – ответил Ренэ, – и клянусь, что, если в маркизе де Варде есть хотя капля чести, он дословно подтвердит мой рассказ. Я спокойно ужинал в харчевне. Какой-то нарядный дворянин, которого именовали маркизом, все время подтрунивал над моим костюмом. Я не обращал внимания. Тогда маркиз кинул оскорбительную фразу, обращаясь лично ко мне. Я встал и попросил маркиза назвать себя, так как не имею привычки разговаривать с незнакомыми. Маркиз ответил мне, что таких оборванцев, как я, бьют палками, но им не представляются. Я подошел к маркизу, назвал себя и прибавил, что раз теперь он знает, кто я, ему будет не трудно взять свои слова обратно, так как ясно, что подобные слова не могут относиться к герцогу д'Арку. Маркиз категорически отказался извиниться, прибавив еще новые оскорбления, и тогда я потребовал, чтобы дело было решено шпагами. Маркиз согласился и просил окружающих быть свидетелями того, как он меня проучит. С первых ударов я заметил, что маркиз совершенно неопытен в искусстве владения шпагой. Убить его мне ничего не стоило бы, но я не убиваю беззащитных. Поэтому я нанес маркизу

---

²¹ Людовик XIII. В его царствование неоднократно издавались указы против дуэлей.

на память совершенно неопасную рану, которая, однако, достаточно мучительна, чтобы страдания научили его на следующий раз быть не столь заносчивым и более осторожным!

– Знаете что, ваше высочество, – сказал Людовик, – а ведь, поскольку я знаю Варда, этот рассказ очень смахивает на истину! Во всяком случае не может быть и речи о наказании Арка за Варда, если только маркиз не принесет мне прямой жалобы! Вы были введены в заблуждение. Впрочем, если вы настаиваете на суде, то мы подождем выздоровления Варда и тогда допросим обоих вместе. А пока... Благодарю вас, герцог, можете уйти!

Ренэ с поклоном удалился обратно в соседнюю комнату. Филипп тоже поднялся, желая уйти, но Людовик удержал его.

– Нет, Филипп, посиди еще немного! Теперь мне придется поговорить с тобой на другую тему. Скажи пожалуйста, знаешь ли ты, о чем со смехом говорит сегодня весь Париж?

– Откуда мне знать, если я вернулся лишь поздно ночью! – мрачно ответил Филипп.

– События, о которых я говорю, произошли именно глубокой ночью и как раз после твоего возвращения, милый Филипп! – спокойно возразил Людовик. – Так ты не знаешь, что дало богатый материал для шуток парижанам? Ну, так я тебе расскажу! Один высокопоставленный муж решил уличить свою жену в измене. Для этого он прибегнул к старому, уже не раз описанному романистами всех веков и народов, способу: он сделал вид, будто уезжает на охоту, сам же тайно вернулся домой и стал ломиться к жене в спальню, требуя, чтобы она открыла ему дверь. Слыша по разговору мужа, что он отдал чрезмерную дань дарам бога Вакха, и зная, что в таком состоянии – кстати сказать, слишком частом – он бывает непомерно груб, жена, сославшись на то, что она раздета, отказалась впустить его. Тогда хмельной ревнивец собрал друзей и слуг, приказал выломать дверь и... застал жену в обществе фрейлины. Муж пригласил людей, чтобы они стали свидетелями позора жены, им же пришлось стать свидетелями весьма пикантной картины в несколько ином духе: жена градом хлестких пощечин выгнала невежумужа вон из своих апартаментов! Что ты скажешь, милый Филипп, относительно этого нелепого, пошлого происшествия?

– Ваше величество! – задыхаясь от бешенства, крикнул Филипп, уже при первых словах короля вскочивший с кресла. – Это – мое личное, семейное дело, которое никого...

– Совершенно верно, ваше высочество: это – ваше семейное дело, но глава семьи – я. Я не могу допустить, чтобы имена членов французской королевской семьи трепались чернью с презрением и насмешками, я не могу допустить, чтобы мой родной брат публично разыгрывал роль пошлого, балаганного шута...

– Ваше величество! – снова крикнул Филипп.

– Молчите, ваше высочество, и слушайте! – с холодной надменностью перебил его Людовик. – Или вы все еще не вытрезвились со вчерашнего дня, что решаетесь перебивать меня? Еще раз повторяю вам: как глава первой дворянской семьи во Франции, я не могу допустить подобное недостойное поведение моих ближайших родственников. Кроме того, как король, я не могу допустить поведение, грозящее прямой опасностью интересам страны. Должно быть, вы изволили забыть, что ваша супруга – сестра английского короля, государя страны, в союзе с которой Франция обретает удовлетворение своих насущнейших нужд? Я знаю, Генриетта – добрая, хорошая и рассудительная женщина. Но всякая другая на ее месте после вчерашнего скандала уехала бы в Англию и потребовала бы развода. Разве Англия простила бы нам оскорбление, нанесенное сестре ее короля? Несчастный! – Людовик тоже встал и, все возвышая голос, осыпал брата молниями искрившихся гневом взглядов. – Если вы носите рога, то это – достойный вас убор! Если Генриетта изменяет вам – вы это заслужили! Что вы такое? Пьяница, грубый солдат, невежда, ошибочно родившийся в благородной и знатной семье! Неужели вы могли хоть на минуту вообразить, что я потерплю подобное безобразие? И вы еще осмелились заявить, что это – ваше личное дело, которое никого не касается? Французского короля все касается во Франции! Франция – это я! – и с этими последними словами, при которых голос

дошел до громового крика, король с такой силой ударил кулаком по маленькому, украшенному инкрустацией, резному столику, что верхняя доска лопнула и с грохотом упала на пол, увлекая за собой хрустальный кувшин с прохладительным питьем.

Этот шум несколько охладил гнев Людовика. Он замолчал и, заложив руки за спину, стал сумрачно ходить взад и вперед по кабинету.

Филипп не осиливался поднять голову и только изредка, украдкой кидал косые, испуганные взгляды.

– По существу вас следовало бы жестоко наказать за такую недостойную выходку, – снова начал король уже значительно успокоившимся тоном. – Но я, ей-богу, не вижу, какое наказание может быть для вас ощутительнее финала вчерашней сцены! Поэтому на этот раз я готов поставить крест на всей истории. Помните только, что в следующий раз вы не отделаетесь так дешево! Но тем не менее на некоторое время вам необходимо уехать из Парижа, потому что скандал получит слишком большую огласку. Пусть сначала улягутся все сплетни и толки! Так вот, щадя ваше самолюбие больше, чем это делаете вы сами, и отнюдь не желая, чтобы ваш отъезд имел вид моей немилости, я придумал для вас ответственное и почетное поручение. Вам известно, что я решил реорганизовать наши пограничные крепости и Вобан²² уже приступил к работам на нашей восточной границе. Однако в последнее время начинает выясняться, что Испания интригует против нас, и нам надо быть готовыми ко всему. Правда, наши южные крепости всегда были предметом особенного внимания, но... как знать! Так вот первой половиной вашей миссии будет тщательный осмотр пиренейских крепостей. Но одновременно с этим вы исполните еще одно тайное поручение. Дело в следующем. Мы с Кольбером²³ работаем над вопросом об укреплении финансов, и вот этой дельной голове пришла очень удачная мысль. В прежнее время короли удивительно легкомысленно раздаривали земли, и этим особенно отличался наш дед, король Генрих. Между тем зачастую на эти земли нет ни малейших документов, а в архивах нет ни малейших убедительных доказательств заслуг перед государством тех, кому эти земли были подарены. Кольбер составил большой список таких сомнительных владельцев. Часть земель должна быть попросту возвращена обратно в казну, часть будет закреплена за владельцами, но при условии уплаты в казну известной суммы, а часть будет откуплена у теперешних владельцев, но по земельным ценам того времени, когда и земля была дешевле, в деньги дороже. Конечно, ко всему этому надо приступить исподволь и очень осторожно. Прежде всего надо получить точные сведения на местах об имущественном положении владельцев, о состоянии их поместий, о качествах почвы – словом, полную картину значения данного владения как для самого владельца, так и для нас. Поясню вам на примере. У виконта Лулей имеется земля в Гюйене. Сам Лулей никогда там не был, да и не интересуется этим поместьем, потому что оно почти бездоходно. Его управляющий вечно жалуется на бесплодность почвы, на неурожай и тому подобное. Лулей не имеет тысячи ливров дохода с этого большого имения. Значит, он нисколько не будет горевать, если мы отберем у него эту землю по бездоказательности его прав на владение ею. Но, прежде чем мы приступим к этому, нам важно знать, почему имение бездоходно. Может быть, и в самом деле почва и климатические условия там безнадежно плохи, может быть, там просто ведется не тот род хозяйства, который был бы выгоднее всего, а, может быть, – это вероятнее всего! – управляющий попросту обкрадывает своего господина! В первом случае мы вообще не станем трогать Лулея, потому что

---

²² Севастьян ле Прегр, синьор де Вобан, военный инженер и маршал Франции, выбился из бедности лишь благодаря неутомимому труду, талантам и неподкупной честности. Поговорка гласила, что крепость, осажденная Вобаном, падет во что бы то ни стало, а крепость, им укрепленная, будет неприступна. Действительно Вобан успешно провел 53 осады, а реорганизованные и вновь выстроенные им крепости служили могущественным оплотом Франции в войнах, почти непрерывных в царствование Людовика XIV. Он умер 74-х лет в 1707 году. Последние годы он был в немилости.

²³ «Супер-интендант», то есть по-нынешнему, министр финансов, которым Людовик заместил окончательно проворовавшегося Фуке.

к чему мы будем бесполезно возбуждать хотя бы легкое недовольство? Во втором случае мы отберем землю, вознаградим Лулея какой-нибудь безделицей и продадим его имение в руки непривилегированного лица, причем нашей выгодой будут хотя бы подати.²⁴ В третьем случае мы, может быть, даже сами купим землю у Лулея, но стоимость имения исчислим исходя из доходности, которая в этом случае окажется во много раз ниже настоящей. Вы поняли мою мысль? Так вот: ваша официальная миссия – осмотр южных крепостей, а наряду с этим вы путешествуете якобы для собственного удовольствия и соберете все нужные нам справки. В помощь вам будут командированы два секретаря – один по военной, другой – по финансовой части. Кольбер даст вам список интересующих нас имений и подробную инструкцию; он сегодня же займется с вами, а завтра вы должны отправиться в путь. Я надеюсь, что вы оправдаете возлагаемое мной на вас доверие и с честью выполните это поручение. Пробыть в командировке вам придется месяцев пять-шесть; когда вы вернетесь, все будет забыто, и мы торжественно и радостно встретим успешного исполнителя наших королевских предназначений! Ну, а теперь ступайте, милый Филипп, и приготовьтесь к своей важной миссии!

---

²⁴ Дворянство давало право не платить никаких податей. Вот почему Кольбер предпринял ревизию дворянских патентов. Одной из его мер было кассирование всех дворянских званий, приобретенных в последние тридцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.